

ЖЖАРА

Владимир Славкин
Мария Славкина

Нефтяной детектив

Любимый детектив

Мария Славкина

Жара

«ВЕЧЕ»

2019

Славкина М. В.

Жара / М. В. Славкина — «ВЕЧЕ», 2019 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-8020-1

Старший следователь по особо важным делам Анна Захарьина по просьбе отца расследует двойное исчезновение. Пропали без вести вдова известного питерского нейрохирурга, блокадница Эмма Розенфельд и ее старший сын Владимир, глава московского представительства американской компании, поставляющей в Россию нефтяное оборудование. Чем больше Анна вникает в дела оборотистого дельца, тем больше понимает: его смерти желали слишком многие...

ISBN 978-5-4484-8020-1

© Славкина М. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Четверг, 5 августа 2010 года	6
Суббота, 7 августа	11
Воскресенье, 8 августа	20
Понедельник, 9 августа	25
Вторник, 10 августа	28
Среда, 11 августа	30
Четверг, 12 августа	32
Пятница, 13 августа	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Славкин, Мария Славкина

Жара

© Славкин В.С., 2019

© Славкина М.В., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Четверг, 5 августа 2010 года

Никогда еще Анна Германовна Захарьина так не восхищалась достижениями научно-технического прогресса, как в вагоне первого класса скоростного поезда «Сапсан», уносившего ее с семейством из Москвы в Северную столицу. У входа в вагон было устроено электронное табло, на котором высвечивались значения мгновенной скорости поезда. 203 км/ч, 212 км/ч и так далее. Поезд летел ровно и мощно. Просторные кресла с удобными столиками. Мощный кондиционер. Молодые симпатичные девушки-проводницы. Не поезд, а мечта! Конечно, Анна знала, что в Западной Европе или Японии комфорт на железной дороге давно стал обычным явлением. А вот теперь прогресс дошел и до нас. Совсем недавно на Николаевской железной дороге запустили быстрые и удобные «Сапсаны». Красота! «Во всем этом техническом великолении есть какая-то особая прелесть», – думала Анна.

– Будьте добры, стакан воды, – не без удовольствия попросила она изящно дефилирующую по вагону проводницу. Девушка была очень привлекательна и знала об этом, а стильная униформа выгодно подчеркивала все изгибы ее отличной фигуры. Проводница одарила Анну лучезарной улыбкой:

– Одну минуточку. – И уточнив, какую воду, с газом или без, желает пассажирка, фея «Сапсана» упорхнула за «водичкой для мамочки из бизнес-класса», как она объяснила своей напарнице. Та лишь со знанием дела кивнула:

– Ага, симпатичная такая.

Милые бортпроводницы и подумать не могли, что «симпатичная мамочка из бизнес-класса», ласково обнимающая маленькую дочку, – ни много ни мало государственный советник юстиции третьего класса, старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре Российской Федерации. За плечами, казалось бы, беззаботно смотрящей в окошко женщины были десятки опасных расследований, а ее незаурядные аналитические способности уже давно стали «притчей во языцех» в невеселых коридорах «органов». Служительницы РЖД очень сильно удивились, если бы узнали и возраст Анны. На вид – не больше 30, хотя недавно ей исполнилось 43 года. Ни морщинки, прекрасная кожа, стройная и подтянутая фигура. Как ей удавалось сохранять внешность при таких «делах», не понимал никто. «Ведьма, наверное», – шептались коллеги. Правда, сейчас работа для нее, казалось, была где-то в далеком прошлом. У Захарьиной шел последний месяц трехлетнего отпуска по уходу за ребенком. Три года абсолютного счастья, радости, спокойствия.

Утопая в удобном кресле новенького «Сапсана», Анна наслаждалась комфортом и дорогой. «Как хорошо!» – думала она, совсем позабыв о причине поездки, а она была совсем невеселой. Анна с семьей фактически бежали из Москвы. Из любимой Москвы. Из любимого Подмосковья. А виной всему стала чудовищная жара, обрушившаяся на центр европейской части России и приведшая к страшным лесным пожарам, плотным кольцом, окружившим столицу. Обычно скучающие и мающиеся от безделья журналисты соревновались в устрашающих заголовках: «Москва в дыму», «Выжить в мегаполисе», «Горящее лето». Смог стал главным героем дня. Особо въедливые журналисты рассказывали, что сам термин возник в начале XX столетия, когда некий доктор Генри Антуан воссоединил два слова Fog and Smoke для обозначения «дымового тумана» Лондона. Но то, что творилось в Москве, это был не лондонский смог. Все было гораздо хуже. Гарь и копоть висели в воздухе плотной завесой. Видимость не превышала расстояния вытянутой руки. Дышать было невозможно. Легкие не справлялись. Находиться на улице и в некондиционированных помещениях было небезопасно.

Обычно семья Захарьиных проводила лето на даче в старом академическом поселке Можженка недалеко от Звенигорода. Но и здесь воздух был ужасен. Гордость западного Подмосковья – Москва-река – не приносила прохлады и свежести. Смог окутывал всё. Люди

постарше припоминали, что даже в тревожные дни лесных пожаров 1972 года было все-таки легче. Сейчас же никакого ветра, никаких дождей. Непрерывная мучительная жара. Чудовищная погода создавала звенящую в воздухе напряженность. Люди становились раздражительными, конфликтными или, наоборот, подавленными. Особенно плохо было тем, у кого были проблемы со здоровьем. Женщины и дети держались из последних сил. Так и в семье Захарьиных ситуация была крайне тревожной. Когда смог окутал столицу, Верочка, которой вот-вот должно было исполниться три года, стала кашлять, хрипеть, сипеть. По ночам девочку мучили приступы удушья. Маленький организм не принимал отравленный воздух. Нужно было что-то делать.

На семейном совете было принято решение срочно увозить девочку из Москвы. «Еще немного – и хроника ребенку устроим, это я вам как врач говорю», – била тревогу бабушка. Но вот мнения, куда увозить Веру, разделились. Сама Лидия Николаевна была убеждена, что нужно бежать в ее любимую Прибалтику. «В Паланге сейчас хорошо, – мечтательно говорила она. – Надо срочно пробиваться в какой-нибудь пансионат или через агентство снять домик в частном секторе. Наверное, все стоящее уже забронировано. Ну да ничего. Уж как-нибудь. Продукты там прекрасные. Я буду готовить, кормить вас».

Однако вариант с Прибалтикой был отвергнут. Максимум, что мог позволить себе Федор, супруг Анны, занимавший пост начальника службы безопасности российско-швейцарской нефтяной компании Юнгфрау, – это отвезти и устроить семью на месте. Уйти в отпуск в столь тревожной ситуации, когда объекты нескольких европейских «дочек» Юнгфрау буквально были окружены полыхающими пожарами, он не мог. «Не имею морального права, – говорил Федор. – К тому же, Лидия Николаевна, вы совсем забыли о визах. Вере и Анне нужно оформлять Шенген, а это время, даже с учетом всех связей и знакомств».

– Бросьте вы, – успокоил всех Герман Владимирович, – не надо ничего выдумывать. Надо ехать на Карельский перешеек, на берег Финского залива. И жары не будет, и воздухом чистым подышим. У меня есть одна знакомая – она уже много лет в турбизнесе. Я с ней созвонюсь, она устроит нас в хороший отель где-нибудь в Репино или Зеленограде. Анюта, ты не забыла, как в детстве отдыхала в поселке Солнечное? Все будет в самом лучшем виде, я организую. – Тут, правда, по лицу нейрохирурга пробежала какая-то тень. – Я, конечно, буду мысленно с вами. Но у меня сейчас несколько таких операций, отказаться от которых я не могу. Экстренный случай, как говорится... Но ничего, вы будете близко, и я буду приезжать к вам. Сделаю операцию и приеду. Потом вернусь, опять сделаю операцию и приеду. Так мы с Федей и будем работать вахтовым методом.

Все остальные члены семьи согласно закивали.

– Значит, Федор, ты отвезешь их, а я потом подскочу. Откладывать не будем. Верочку нужно срочно увозить. Так что я связываюсь насчет отеля.

И вот теперь поезд уносил их из задымленной столицы. Они уже проскочили Тверь, а смог только густел и темнел. Захарьина забеспокоилась:

– А что если и в Питере не лучше?

– Не может быть, – сказал Федор. – Я созванивался с нашими ребятами: погода хорошая, ветерок, все протянуто. Кстати, неудобно получилось, что я так и не сказал, что приеду. Но ты же категорически настаивала на своем инкогнито.

– Ничего, ничего. Как-нибудь обойдемся. Не хочу, чтобы ты на что-нибудь отвлекалась. Папу заверили, что нас будет встречать какой-то замечательный таксист, машина хорошая, так что как-нибудь сами.

Одного за другим членов семейства Захарьиных-Измайловых сморил сон. Уснули все. И хрупкая Анна, и могучий Федор. Маленькая Верочка положила голову на колени бабушки, которая сперва бдительно охраняла сон ребенка от всевозможных шумов и неудобств, но

потом все-таки не устояла и сладко задремала. Постепенно уснули и другие пассажиры, счастливым образом вырвавшиеся из Москвы. Лишь несколько командировочных бодрствовали и негромко беседовали между собой. Оживленный вагон бизнес-класса «Сапсана» как-то вдруг притих, погрузившись в невидимую сонную пелену.

* * *

Неправдоподобно быстро поезд подкрался к Московскому вокзалу Санкт-Петербурга. Анна, искренне любившая Северную столицу, каждый раз поражалась гармонии и красоте этого замечательного сооружения, встречавших гостей города. Пережить столько событий, реконструкций, переименований. Да еще и совершенно новый темп жизни. Вокзал начали строить в середине 40-х годов позапрошлого столетия. И вот XXI век – космос, Интернет, гаджеты. А Московский вокзал стоит, работает. Анна обожала венецианские окна, изящные колонны фасада, просторные внутренние залы вокзала. Кстати, его творец архитектор Тон был создателем храма Христа Спасителя, которому, как известно, повезло гораздо меньше. В начале 30-х годов храм взорвали и на его месте начали строить Дворец Советов, который потом бросили и соорудили открытый бассейн «Москва». А вот храм железной дороги выжил, как и его брат-близнец Ленинградский вокзал в Москве.

Уже не первый раз Захарьина отмечала за собой, что в Санкт-Петербурге она почему-то перестает суетиться, куда-то бежать. В Северной столице она как-то сразу начинала замечать красоты архитектуры, вспоминать разные интересные истории, связанные с появлением разных шедевров. В разговорах сами собой появлялись поэты, художники, философы. Ей хотелось наслаждаться любимым городом, никуда не торопиться, впитывать, смотреть, радоваться. «Почему же в Москве так не получается?» – удивлялась Захарьина.

Не сговариваясь, Анна, Федор, Лидия Николаевна и маленькая Вера одними из последних покинули вагон и вышли на оживленный перрон. Прибывшие из Москвы по своему обыкновению сразу куда-то нервозно побежали. Народу была тьма. Но не заметить в этой толпе высокого широкоплечего мужчину с табличкой было невозможно. Как и обещал академик Захарьин, семью встречал надежный человек – проверенный и обязательный таксист.

– Борис Николаевич, – представился он.

– Федор, – ответил Измайлов, – а это наша семья. Моя супруга Анна, теща Лидия Николаевна и наша Вера.

– Сразу едем в Зеленоград или прогон по городу? – поинтересовался таксист, который меньше чем за минуту завоевал восхищение Верочки, усадив ее на тележку с чемоданами.

– Нет, Борис Николаевич, чем быстрее доберемся до места, тем лучше. Пойдемте грузиться.

«Черт возьми, – подумала Захарьина – а ведь Борис Николаевич похож на своего всемирно известного тезку. Что-то общее, только гораздо симпатичнее».

Беглецы из Москвы быстро подошли к красивой шоколадной Volvo XC70, оборудованной специальным детским креслом, которое позволяло разместиться на заднем сиденье ребенку и двум дамам. Захарьины-Измайловы были счастливы. Как и обещал Федор, воздух был чист, температура не превышала 27 градусов, и московские изгнанники, задышавшие полной грудью, получали истинное удовольствие от короткого путешествия на Карельский перешеек.

Миновав город Зеленоград, машина плавно подкатила к приятному гостиничному комплексу, который своим названием позиционировал себя в духе времени как спа-отель.

Пока Верочка с бабушкой гуляли близ монументального крыльца главного корпуса, а Анна наслаждалась свежим воздухом и легким ветерком, Федор с помощью Бориса Николаевича быстро уладил организационные вопросы. Все дружно поднялись на пятый этаж, где

были приготовлены два прекрасных двухкомнатных номера какой-то поразительной воображаемой площадью. «Каждый метров 100, наверное, – подумала Анна. – Не слабо».

– Ну а Верочку я беру к себе в номер, даже не спорьте, – твердо заявила Лидия Николаевна. Спорить с ней никто не стал. Анна и Федор знали, что любимая бабушка не поймет, если Вера будет жить не с ней. – А тебе, Аня, нужно отдохнуть. Декрет-то заканчивается. А что будет потом?

Вопрос был сложный, и Федор поспешил на помощь жене и сменил тему разговора:

– До чего же все-таки питерцы не любят нашу столицу и москвичей! Это просто цирк какой-то. Меня уже три человека неискренне грустными голосами спросили: «Ну как, плохо в Москве?» И когда я давал утвердительный ответ, глядя мне в глаза, уточняли: «Очень плохо?» Кстати, весь наш отель почти целиком забит «беженцами» из Москвы. Это хорошо, что мы еще вовремя спохватились с бронью.

Лидия Николаевна блаженствовала. Мысль о том, что обожаемая внучка дышит наконец чистым воздухом, наполняла сердце почтенной дамы чувством глубокого удовлетворения. Беспокоила только мысль: «Как там Герман в этом задымленном аду? Скорей бы он приехал к нам сюда».

После заселения и быстрой раскладки вещей семья Захарьиных-Измайловых двинулась на пляж. Короткая дорога была чудесной. Верочка удобно устроилась на плечах гиганта отца и чувствовала себя кем-то вроде поводыря слона. Было видно, что она получала огромное удовольствие от всей этой новой незнакомой обстановки. Это было первое ее путешествие. Прежде все дальние поездки сводились к маршруту Москва – дача, дача – Москва. А здесь такая прелесть!

Когда вся компания вышла на пляж, государственный советник юстиции третьего класса Анна Захарьина совершенно неприлично взвизгнула, не заморачиваясь никакими кабинками, сбросила легкое платье на руки матери и в чудесном бирюзовом купальнике бросилась в воду. «До чего же хороша», – подумал Федор. После рождения дочки Анна сильно изменилась. Она перестала злоупотреблять косметикой, ее красивое лицо с правильными чертами сияло естественной радостью материнства и счастья. Налаченные прически были отброшены и прекрасные русые волосы красивыми волнами лежали на плечах. Больше всего в новой внешности Захарьиной поражали серые глаза, неоттененные и неиспорченные столь любимыми ранее боевыми подводками, яркими тенями, обильной тушью. О фигуре нечего было и говорить. Анюта не растолстела и носила все те же платья и брюки, что и до беременности.

Ее купание выглядело достаточно комично. Неизбалованная побережьем Карельского перешейка, Анна совершенно забыла, что, пройдя по воде метров тридцать, можно только замочить колени. Именно поэтому у многих купальщиков не хватало терпения, и они начинали плыть, задевая животом дно. Так несколько раз пробовала и Анна. Но наконец она забралась хоть на какую-то глубину и поплыла в чудесной прохладной воде.

Пребывание на пляже перезагрузило несчастных беглецов из столицы. Море стало идеальным релаксантом, принявшим и растворившим усталость и нервозность последних дней. Лидия Николаевна заботливо водила Верочку по берегу и, как выражалась почтенная матрона, учила внучку мочить ножки в море. Оказавшись на берегу моря, девочка как по волшебству перестала хрипеть и кашлять, щечки зарделись здоровым румянцем, глаза заблестели. Даже с виду суровый Федор радовался как 15-летний парень, кувыркался, нырял, дурачился, махал огромными ногами и руками и раскатисто хохотал.

Так они провели на пляже часа два, после чего отправились на обед в отель. Кормежка оказалась более чем достойной: разнообразные супы, овощи, мясные блюда, соки и фрукты по системе «шведский стол». Отдых начинался прекрасно, о чем было во всех подробностях доложено академику Захарьину, который звонил уже два раза. Купание Верочки было заснято на видео и отправлено бабушке в Москву для просмотра.

В конце разговора Герман Владимирович обнадежил всех, сказав, что, по-видимому, присоединится к ним утром в субботу. «А потом, в воскресенье, – уточнил Захарьин, – мы вместе с Федором ночным поездом уедем в Москву. “Сапсан” “Сапаном”, но можно пользоваться и “Красной стрелой”. Старый добрый поезд никто не отменял».

Все было чудесно. Еще никто и не догадывался, к каким волнующим событиям приведет их летняя эскапада.

Суббота, 7 августа

После завтрака семейство Захарьиных-Измайловых выстроилось у парадного подъезда отеля в ожидании приехавшего в Питер главы семейства академика Захарьина. Наконец уже ставшее «своим» такси Бориса Николаевича подъехало к крыльцу, и из машины вышел веселый энергичный мужчина, которого никто не решился бы назвать стариком. Герману Владимировичу уже перевалило за 70. Но весь его облик демонстрировал незаурядную силу, бодрость духа и какую-то удивительную расположенность к людям. Он был простым и легким человеком, заражавшим всех вокруг энергией и каким-то особым язвительным, но не обидным юмором. Федор Петрович, искренне любивший своего замечательного тестя, приветствовал его: «С приездом, товарищ чудотворец». Измайлов ни на минуту не забывал того чуда, когда четыре года назад нейрохирург вернул его к жизни после опасной схватки со злодеем, пытавшимся убить Анну. После теплого приветствия мужчины обговорили свой план эвакуации в Москву. Практическую сторону дела брал на себя Борис Николаевич, таксист с большими связями по части билетов и трансферов. Германа Владимировича повели сначала в номер, а потом Лидия Николаевна отправилась кормить мужа.

«Дадим им побыть вдвоем», – шепнул Федор Анне и предложил жене с дочкой пройтись по аллеям уютного парка.

Когда через некоторое время все собрались, Анна заметила, что отец чем-то встревожен и расстроен.

– Папа, что-то случилось? – с легкой тревогой спросила Анна. Она подумала, быть может, что-то произошло с пациентом отца в Москве.

– Нет, Анечка, что ты! Просто некоторые изменения в расписании. Мне только что позвонил Миша Розенфельд. Ты помнишь его?

– Конечно, помню.

– Так вот, Миша не так давно связался со мной, думая, что звонит в Москву. А я вот он, здесь. У него какие-то крупные неприятности. Он попросил меня о встрече. В четыре часа будет здесь, у нас. Кстати, спрашивал, где ты. Был просто поражен тем, что и ты здесь, на Карельском перешейке.

– А что у него стряслось, папа?

– Миша сказал, что это не телефонный разговор. Он ведь собирался выехать в Москву для встречи со мной, и скажу тебе откровенно, Аня, для встречи с тобой. Думаю, хорошего это ничего не сулит. Но ты ведь знаешь, кем для меня был его отец Борис Натанович. И, конечно, скажу тебе прямо, Миша – не тот человек, который склонен раздувать из мухи слона. Если что, то надо будет помогать.

– Пап, Михаилу, наверное, сейчас лет 60? – поинтересовалась Аня.

– Да, – сказал Захарьин. – Миша родился в 49-м году.

Неожиданно в разговор вмешался Федор.

– Интересные совпадения, – пробурчал он. – Герман Владимирович, я как раз сейчас на работе столкнулся с делами некоего Розенфельда. Но он, конечно, не ваш знакомый, да и моложе лет на 10.

– Все может быть, – философски произнес хирург-чудотворец. – Все может быть. У Миши, которого вы скоро увидите, есть младший брат Владимир. Ему сейчас где-то под пятьдесят. Этаким красавец с чисто римским носом.

– Да это он! Точно он! Красивый мужик. Есть, однако, подозрения, что он очень, может быть, не чист на руку.

– Ладно, посмотрим, – задумчиво подумал Захарьин. – Обедать надо идти.

Кормили в отеле превосходно. Еда была вкусная и, как выразилась Лидия Николаевна, не казенная. Всех особенно радовала Верочка, которая унаследовала от мамы волчий аппетит и полную неспособность шалить и кривляться за столом. Когда Федор смотрел на свою трехлетнюю дочь, он не мог скрыть умиления и родительской гордости. Девочка была хороша. Она гордо восседала на взрослом стуле и с нескрываемым интересом следила за манипуляциями официанток: кому что принесли, кому что дают. Полное отсутствие каких-либо диетических ограничений позволяло маленькой девочке постоянно пребывать в хорошем настроении и лопать все подряд.

Академик Захарьин вместе с зятем выпили на двоих бутылку хорошей водки, а дамы чисто символически пригубили сухое вино. Аня хорошо знала, что Федор Петрович вообще никогда не пьянел. Выпивал он редко. Но иной раз Аня думала: «Попробовать Феде, что ли, выяснить, какая доза алкоголя выведет его из равновесия?» Ни болтливости, ни возбуждения, ни сонливости, – ничего этого не было.

В 4 часа к крыльцу отеля подъехал скромный голубой Renault Logan, из которого вышел маленький человек с добрым и приятным лицом. Аня сразу же узнала «дядю Мишу», хотя и должна была признать, что за те годы, что они не виделись, мужчина сильно сдал. Он выглядел усталым, каким-то помятым и явно очень расстроенным. Опытный взгляд Анны фиксировал все это автоматически.

Тепло поздоровавшись с Анной и Германом Владимировичем, Михаил Розенфельд отвез свою машину на парковку, и вернулся к московским друзьям.

– Ну что, Миша. Давай сразу за стол? – радостно предложил Захарьин.

– Может, не надо? – отнекивался Розенфельд.

– Нет, надо, надо. Что ты! Столько не виделись. Не желаете ли позавтракать, отобедать, пополдничать? Не желаете ли клюквенного морса? – балагурил Герман Владимирович. Однако он видел, что-то не так.

– Анечка. Пригласи Федора, куда он делся.

– Известно куда, – хмыкнула Анна, – с успехом изображает слона. Возит Верочку.

Через несколько минут москвичи вместе с Розенфельдом собрались за столиком лобби-бара. Захарьин заказал напитки, кофе и тогда только оказался готовым к ведению разговора с петербургским нейрохирургом Михаилом Борисовичем Розенфельдом.

– Что-то ты неважно выглядишь? – со свойственной ему прямоотой сказал Захарьин. – Здоровье-то как? Как молодая жена? Как мама? – строго спрашивал друг семьи Розенфельдов.

Ответ Михаила был как гром среди ясного неба.

– Плохо мама, – сказа он, – пропала мама. Не знаю, ни где она, ни что с ней.

– Как это? – вмешалась в разговор Анна Германовна. Для нее мысль о том, что ее собственная мама может куда-то исчезнуть, пропасть, представлялась чем-то фантастическим.

– Ладно, – сказал Захарьин, – вижу дело серьезное. Рассказывай по-порядку.

* * *

Коллега академика Захарьина, известный ленинградский нейрохирург, Борис Натанович Розенфельд прожил долгую интересную жизнь. Практикующим хирургом он стал в 1939 году, с первых дней войны оперировал во фронтовых госпиталях, а во время Сталинградской битвы руководил госпиталем на левом берегу Волги. За годы войны он сделал тысячи операций, многие из которых относились к области его узкой специализации – нейрохирургии. Ранения в голову были, к сожалению, частым явлением. В жестких полевых условиях, врач от бога, он выполнял операции, о которых в мирной жизни не смел бы и думать. Но военные годы сделали его другим человеком, научили никого и ничего не бояться. В 1943 году во время бомбежки немецкой авиацией санитарного поезда он получил тяжелое ранение – нога была повреждена

очень серьезно. Но, несмотря на увечье, уже через полгода Борис Розенфельд встал к хирургическому столу. Кстати, хромота, дергающаяся походка и мефистофельская внешность наградили его тогда прозвищем «Хромой черт». В нем и правда было что-то мистическое. Чудом выжил в войну, ничего не боялся и потом. Так, в самый разгар борьбы с космополитами «Хромой черт» выступил на партийном собрании своей клиники с такой речью, что его близкий друг секретарь парткома Толя Севидов сказал ему через несколько месяцев: «Ну Борька, было бы у тебя одним орденом меньше, посадили бы тебя к чертовой матери». Тогда несколько месяцев каждую ночь Борис Розенфельд ждал ареста (он все прекрасно понимал, что ему грозит за подобные речи), но пронесло.

В 1947 году в послеблокадном Ленинграде он встретил будущую супругу – Эмму Марковну Натанзон, девушку красивую, с волевым характером, из интеллигентной ленинградской семьи. Когда началась Великая Отечественная война, ей только-только исполнилось 17 лет. Мама и бабушка категорически отказались от эвакуации из Ленинграда, и семейство Натанзонов угодило в чудовищную блокаду. В этой страшной ситуации Эмма не растерялась и пошла работать на оборонный завод. У нее были прекрасные руки и редкостное здоровье. Девушка с детства занималась легкой атлетикой, бегала, прыгала, толкала ядро, метала диск. Мама тогда говорила ей: «Что ты делаешь? Ты станешь похожей на мужика». Но такие были времена и мода. А может быть, и провидение. Незаурядные физическая сила и выносливость очень помогли Эмме – она быстро прошла курсы токарей и потом регулярно выдавала на заводе два плана. В тех ужасных условиях это отражалось на самом главном – продовольственном пайке. Эмма умудрялась «выработать» до 800 граммов хлеба в день. И это спасло их семью. В 1943 году Эмма вступила в ряды ВКП(б). Тогда это был поступок. Если бы Ленинград пал, у Эммы и ее семьи не осталось бы не единого шанса на выживание.

После войны Эмма Натанзон поступила в медицинский институт, где на практике познакомилась с хирургом Борисом Розенфельдом. Молодые люди полюбили друг друга, и эта любовь сохранилась между ними вплоть до смерти Бориса Натановича. В счастливом браке были рождены два сына: старший Михаил и младший Владимир. Разница в возрасте между мальчиками составляла 10 лет и больших антиподов, чем братья Розенфельды, трудно было себе представить.

Маленького роста, плохо сложенный, вечно стеснявшийся самого себя Михаил рос добрым, отзывчивым и очень удобным для всех мальчиком. Он никогда не требовал к себе особого внимания, старательно учился, каким-то непонятным образом со всеми дружил, помогал по дому. Как само собой разумеющееся, после школы он пошел по стопам родителей, окончил медицинский институт, успешно защитил кандидатскую диссертацию, стал хорошим практикующим нейрохирургом. Трудяга, скромный и совершенно бесконфликтный человек, на работе его все любили и уважали. В 30 лет он женился, но брак быстро распался, чему немало способствовала Эмма Марковна, не желавшая делить сына с кем бы то ни было, даже с собственной невесткой. «Как ты можешь так поступать?» – пытался образумить жену Борис Натанович. Но та только отмахивалась: «Не понимаю, о чем ты?» Миша остался жить с родителями, глубоко переживая свое одиночество.

Совсем другим был Владимир Розенфельд. Яркий, способный, красивый, он был тем, кого называют человек-конфликт. Его жизнь являла собой нескончаемую череду склок. На смену неуживчивости в детском саду пришли разборки с учителями и одноклассниками в школе. Скандальной оказалась и учеба в Ленинградском горном институте, из-за чего на втором курсе он перевелся в Москву в Институт нефтехимической и газовой промышленности имени Губкина. Несмотря на отвратительный характер, он блестяще учился, все давалось ему легко. Институт был окончен с красным дипломом, Владимир получил распределение в аспирантуру. Казалось бы, что еще? Но он продолжал быть всем недовольным, говорил, что не может реализовать себя в стране, где существует политика государственного антисемитизма.

«Чего тебе не хватает? – спрашивал отец. – Ты бы пожил в наше время, в эпоху борьбы с космополитами и “дела врачей”». Но Владимир даже и слушать не хотел доводы коммунистов Бориса и Эммы Розенфельд. «Строй ужасный, страна гниет, надо валить отсюда», – думал он. Правда, пока был жив отец, эти мечтания так не обрели зримых контуров. Горячий сторонник эмиграции понимал, что такое чудовищное отступничество убьет отца. «Черт бы его подрал! – говорил Владимир в узком кругу. – Уперся старый осел, а поехали бы все вместе – какую помощь могли бы получить под его имя хоть в США, хоть в Израиле. Чтобы перекрутиться на первое время было бы вполне достаточно». Даже женитьба на очаровательной девушке Алине никак не снизила общую неудовлетворенность жизнью способного нефтяного инженера. «Уехать, уехать», – бредил Владимир. И вот случилось. Как только отец умер, он тут же выехал с женой на ПМЖ в Соединенные Штаты. На дворе стоял 1991 год. Все рушилось, но беглец был уверен – впереди его ждала новая жизнь.

Америка, однако, встретила его сурово. Работы по специальности не было. Мучился он ужасно. Пойти абы куда, лишь бы прокормиться, он не мог – терял статус. Выручала скромная зарплата Алины, которая устроилась по специальности инженером-химиком в небольшую фирму, продающую питьевую воду. Ему же приходилось перебиваться почти случайными заработками, связанными с интересом американских нефтяных компаний к углеводородным ресурсам на территории бывшего СССР. Но все как-то не складывалось. Он начал выпивать, развелся с женой. Будущее казалось беспросветным. Ему уже стукнуло 40, а ни кола, ни двора, ни работы. В голову лезли дурные мысли, но в один прекрасный день все изменилась. Произошла встреча, коренным образом изменившая судьбу Владимира Натановича Розенфельда.

* * *

– Герман Владимирович, в последние годы мама сильно сдала, – грустно начал свой рассказ Михаил Розенфельд. – Старческое слабоумие. Как врач вы понимаете. Здорово заметно это стало после 82 лет. Я уже не мог оставлять ее одну и нанял сиделку. Молодая женщина, украинка, зовут Оксана. У нее среднее медицинское образование и на этот счет я был спокоен, поручил маму ее заботе. Как-то сразу у них сложились хорошие отношения, мама очень привязалась к Оксане, в минуты просветления рассказывала ей разные истории о себе и папе, расспрашивала о невеселой жизни на Украине. Вот так вот все шло.

Потом надо сказать вот о чем. Еще до появления Оксаны произошла ужасная ссора между мной и Володькой, который по каким-то делам прикатил в Питер. Дело в том, что наша квартира на Московском проспекте была приватизирована на нас двоих, то есть на маму и меня. Володя тогда был далеко, к тому же в свое время родители, буквально наскребая по сусекам, устроили ему кооперативную двухкомнатную квартиру в Москве, которую он потом продал и какое-то время на вырученные деньги жил в Штатах. Так вот мама взяла и подарила мне свою половину нашего жилья. Вы же ее помните. Что в голову втемяшится, то она и выполняет. «Не хочу, чтобы ты связывался с наследствами, нотариусами и всякими формальностями», – говорила она мне. Почему-то этот факт вызвал у Володи ярость. Я вообще не думал, что братец настолько меркантилен и сварлив. Он тут устраивал маме всякие сцены, требуя все перерешить, но вы же понимаете, – он обратился к Анне, – что вернуть дарственную невозможно. Кончилось дело тем, что он избил меня и на какое-то время исчез из нашей жизни. Это было лет 7 назад. Все успокоилось, но как оказалось, это было затишье перед бурей.

Дело в том, что в какой-то момент я и Оксана поняли, что мы любим друг друга. Я сделал ей предложение, мы пошли в ЗАГС и расписались. Конечно, мы сделали неправильно. Не надо было все это творить за спиной у матери. Получилось, что мы поставили ее перед фактом, хотя о том, что мы спим вместе, мама знала, мы особо не конспирировались, все было хорошо. Но как только Оксана стала моей женой, отношение к ней матери изменилось на 180 градусов.

В ее глазах она сразу стала интриганкой, нищей, которая желает устроить свои семейные и жилищные дела за счет сына Мишеньки. Мне она неустанно повторяла: «Вот умру я, она тебя прикончит и привезет сюда, на Московский проспект, своих украинских родственничков». Что я испытал в то время, описать невозможно. Мне хорошо с Оксаной и разрушить этот брак я не позволю. Я так и сказал маме. И надобно же такому случиться, что в этот момент в нашей жизни опять появился Володя. Видать, у него хорошо дела пошли, сложилась карьера. Он приехал в Россию уже не отщепенцем, а успешным бизнесменом. Учитывая его прекрасную внешность и какое-то новое умение подавать себя, он производил сильное впечатление. Мама ему тут же все рассказала, а он сразу заявил, что раз так – маме здесь делать нечего и он немедленно заберет ее к себе в Москву, где он в ближайшее время собирается жить...

– Так-так, – вдруг изумился Измайлов, – в каком же году это все происходило?

– Наши ссоры с мамой начались в 2007 году. Володя объявился у нас весной 2008 года. Точно не помню, когда. Ну так я закончу, – продолжил Михаил. – Мама два раза ездила к нему в Москву. Но там долго не задерживалась. Ленинградка есть ленинградка. Она в блокаду-то не уехала... Но вот два месяца назад она исчезла. Исчезла как-то странно. Я не сразу сообразил, насколько все серьезно. Чего я только не передумал за это время. Может, она уехала к Володе. Координат его у меня нет. Дозвониться до него я не могу, да и куда. За полгода до исчезновения мама поставила всех нас на уши, чтобы ей оформили заграничный паспорт. Куда обращаться, что делать? Я был в милиции. Со мной разговаривали так, что лучше б я туда не ходил. Все мои попытки как-то активизировать ее поиски ни к чему не привели. Милиционеры провели какую-то проверку и по ее итогам в возбуждении уголовного дела было отказано. Никто не хочет возиться с выжившей из ума старушкой. От нее нет ни писем, ни весточки. Понимаете, в силу возраста друзей у нее мало. Но всех, кого можно, я обзвонил и обошел – никто ничего не знает. Такое чувство, что в городе ее нет.

– Аня, – обратился он к Захарьиной и голос его плаксиво задрожал, – я знаю, какое место вы занимаете в наших правоохранительных органах, поэтому решил обратиться к вам как к своей последней надежде. Помогите найти маму.

Все взоры обратились на Анну.

– Михаил Борисович, все обстоит гораздо хуже, чем вы думаете, – вмешался Федор.

Миша страшно побледнел.

– Последний месяц я занимаюсь поисками вашего брата господина Владимира Розенфельда, гражданина Соединенных Штатов. Не хочу вас пугать, но скажу. Владимир Розенфельд исчез. Мы, конечно, не государственные органы дознания и следствия. Я всего лишь начальник службы безопасности нефтяной компании Юнгфрау, но могу вас заверить, что усилия, предпринятые нами, были значительны. У нас очень много вопросов к вашему брату, и мы не можем его найти. Аня, ты, конечно, думай. Но ты бы всем нам сильно помогла, если бы взялась за это дело.

* * *

Анна задумалась. Да и было над чем подумать. Неожиданная радость отдыха на Карельском перешейке заслонила от нее ту непростую реальность, в которой она оказалась в конце лета 2010 года.

21 августа Верочке исполнялось три года. Ее отпуск по уходу за ребенком заканчивался. Анна должна была решить, где она будет работать и как она будет жить дальше. Не работать она не могла, так была устроена ее деятельная натура. Поэтому, собственно, вариантов было два: или она вернется в Следственный комитет Генеральной прокуратуры Российской Федерации, или перейдет на юридический факультет МГУ на скромную преподавательскую работу.

Что делать, она не знала. Конечно, возвращению «в органы» противилась семья. «Карьеру ты уже сделала, подумай о дочке», – убеждали ее близкие. Особенно настаивала мама: «Ты и не заметишь, как Вера вырастет, пропустишь все самое интересное, потом себе не простишь». К своему большому сожалению, Лидия Николаевна, целыми днями пропадая в больницах на работе, когда Аня была маленькой, хорошо понимала то, о чем говорила. Много раз она признавалась мужу в том, что упустила дочь. Между ними так и не возникло той близости, которая невидимыми нитями сплетается между матерью и ребенком. Аня никогда не искала поддержки Лидии Николаевны, не испытывала потребности поделиться с ней сокровенным. Да, она любила мать, у них были хорошие отношения. «Но что-то в них было не то», – думала Захарьина-старшая и винила в этом себя. Разве могла она допустить, чтобы ее любимая внучка испытала то же? Лидия Николаевна и раньше была не в восторге от деятельности дочери, а тут Следственный комитет и вовсе стал воплощением вселенского зла, от которого надо держаться как можно дальше.

Чем больше давила мать, тем больше Анна понимала, как дорога ей работа. Несмотря на все безобразия и грязь, это было свое, родное. Здесь она была в своей привычной стихии – когда она работала над каким-нибудь сложным делом, ей и думалось иначе, и дышалось по-другому. На работе она чувствовала, что живет полной, а самое главное – своей жизнью. А теперь?

Отпустить Захарьину из органов следствия был не готов и ее многолетний шеф Анатолий Борисович Смирнов. Заместитель Генерального прокурора РФ, Государственный советник юстиции первого класса видел, что заменить Анну некем. Равного ей следователя-аналитика просто не было, и, как понимал Смирнов, не будет в ближайшие годы. Когда Захарьина рассказала ему о беременности и о том, что будет находиться в отпуске по уходу за ребенком три года, он был поражен. «Как так?! Будто руку отрубили», – сетовал Смирнов, но сдаваться не собирался. Он часто звонил Анне, узнавал, как дела, рассказывал последние новости, советовался, приглашал ее на важные совещания. Он пытался не допустить окончательного ухода Анны. Но с каждым годом надежда на ее возвращение становилась все туманнее.

Совершенно неожиданно для Смирнова Анна попробовала и увлеклась преподавательской работой. Год назад она прочитала пробный курс лекций на юридическом факультете МГУ. Ее первый выход к студентам прошел «на ура». Успех был оглушительный. На лекции стали приходиться аспиранты, молодые преподаватели, да и в конце концов маститые профессора. Если в начале семестра броское название курса «Технология раскрытия преступлений» вызывало у факультетской общественности снисходительные улыбки, то в конце на лекциях Захарьиной уже не было свободных мест, и для желающих познакомиться с реальной практикой следственной работы была организована видеозапись.

Как-то раз к Анне подошел пожилой профессор Бурцев и, улыбаясь, сказал:

– Сначала я полагал, что мы будем слушать что-то вроде «Записок следователя» Льва Шейнина, но теперь хочу извиниться. Я вижу, что это очень добротная наука. Я просто сражен. И насколько я знаю, вы ведь уже давно кандидат наук? Вы успели наработать огромный материал. Вам надо немедленно прийти на факультет, года за полтора-два защитить докторскую диссертацию, и вам не будет равных в новом поколении профессорско-преподавательского состава. Статьи у вас есть?

– Есть, но маловато, – ответила опешившая Анна.

– Ничего, Анна Германовна. Давайте наметим план публикаций и, учитывая положение нашей профессуры в научных ваковских журналах, мы обеспечим их быстрое прохождение через редколлегия. Я вам помогу.

Так, Анна взялась за свою докторскую и начала готовить статьи. Дело, однако, шло трудно. Сухой наукообразный стиль давался ей тяжело, через силу. Вскоре добавилось еще одно задание Бурцева. Дослушав курс Захарьиной до конца, профессор предложил ей написать

учебник. «Ему цены не будет, – утверждал этот опытный человек. – Факультету престиж поднимете. Давно у нас ничего подобного не выходило». Анна согласилась. Но как все успеть? Ведь надо было готовить и текст диссертации. В сознание Захарьиной докторская уже обрела реальные конторы. Профессор Бурцев рассмотрел и одобрил предполагаемые защищаемые положения, впереди было главное – создание текста. А с этим опять все было непросто. «Слишком разговорно, – правил ее вирши Бурцев. – Давайте заменим “сегодня” на “в наши дни”» ... Анна согласно кивала, в глубине души недоумевая: «Какая разница? Суть-то одна».

В последнее время Анна все время думала, что ей делать? Как организовать свою жизнь, когда закончится отпуск по уходу за ребенком? Переходить ли на юридический факультет университета или продолжать «тянуть ляжку» в Следственном комитете? Да и это было еще не все. Существовало нечто такое, о чем Анна мечтала и вместе с тем боялась даже думать. «Неужели?» – спрашивала она саму себя. Вслух же она сказала:

– Федя, ты же знаешь, что я сама не вполне ясно представляю себе, на каком свете я живу – на том или на этом? – раздраженно начала Анна. И в этот момент она перехватила умоляющий взгляд Михаила Розенфельда. Ее как будто током ударило. В памяти одна за другой мгновенно всплывали картины, когда маленькая девочка Аня ждала приезда в Москву Эммы Марковны Розенфельд, которая неизменно привозила необыкновенные, совершенно изумительные подарки. Аня вспоминала, как эта достойная женщина часами до глубокой ночи беседовала с матушкой Лидией Николаевной. В памяти всплывали и удивительные рассказы тети Эммы о блокадном Ленинграде, ее жизни в этот период. Все это как бы взорвалось в сознании Государственного советника юстиции третьего класса. Решение было принято.

– Ладно, что-нибудь придумаем, – с официальной бодростью и лихостью сказала Анна. – Дайте мне полчаса подумать и, может быть, что-нибудь и наметим. План нам нужен.

Анна отправилась погулять по аллеям прекрасного парка и с изумлением чувствовала, как к ней возвращались четкость мысли и способность проработки сложнейших поворотов возможного следствия. Наступили обычные для нее спокойствие и ясность. «Все будет хорошо, все сделаем», – говорила она самой себе. Эти слова ее всегда успокаивали. Это была ее мантра.

Собравшись через полчаса в номере Захарьиных-старших, мужчины увидели не томную курортную даму, разнежившуюся на берегу Финского залива, а прежнюю восхитительную фурию, помогающую страждущим и карающую преступников.

– Значит, действовать будем так, – жестко и четко сказала Анна. – Первое. В понедельник утром я позвоню Смирнову. Вкратце расскажу шефу всю эту историю. Не знаю, какое он примет решение, но ясно, что, по-видимому, придется отзываться из отпуска, – лицо Лидии Николаевны вытянулось, – а потом подумаем об открытии уголовного дела.

– Стесняюсь спросить, я что же останусь с Верочкой одна? Я боюсь такой ответственности, это не Москва, мало ли что случится, – заволновалась бабушка.

– Ничего не бойся, Лида, – пробормотал академик Захарьин. – Я закончу свои дела и приеду к вам. Может же у меня быть отпуск. А у вас тут так хорошо.

– Ну ладно вернемся к делам, – жестко повернула разговор Захарьина. – Я хочу подчеркнуть. Весь фокус в том, чтобы два события – исчезновения Эммы Марковны и Владимира Розенфельда – были объединены, что даст нам необходимую синергию.

Второе. Попрошу Анатолия Борисовича дать указание главному питерскому следу принять меня и со всем вниманием выслушать наше дело. Питерский следственный комитет должен надавать по ушам доблестным милиционерам и истребовать всю проблему в свое ведение. В конце концов пропала блокадница, прекрасный и заслуженный человек, вдова красы и гордости ленинградской медицины Бориса Натановича Розенфельда.

Третье. До всех решений Смирнова ты, Федор, ознакомишь меня с результатами вашей работы по поиску Владимира Розенфельда.

– Анюта, – сказа Федор Петрович – я, конечно, все что угодно. Но нам нужно поговорить с Дунаевым. Он у нас главный по этому вопросу.

– Хорошо, поговорим с ним по скайпу. Думаю, все будет хорошо, результат будет достигнут. Тем более, что Юнгфрау должна быть рада тому, что поисками господина Розенфельда займется Следственный комитет Генеральной прокуратуры. Возможностей у нас все-таки больше.

– Поехали дальше.

– Это уже четвертое. Михаил Борисович, завтра я хочу с Федором Петровичем посетить вашу супругу и потолковать с соседками.

– Анна Германовн...

– Да чего уж там – Аня, – перебила Розенфельда Захарьина.

– Ну, ладно, Аня, я завтра доставлю Оксану в лучшем виде.

– Не нужно. Завтра будем у вас. Единственная просьба – отвезете нас?

Михаил Борисович согласно кивнул.

– Ну и чудесно, заезжайте к нам завтра пораньше с утра. Так что все. Не смею вас задерживать, Михаил Борисович.

Розенфельд и все присутствовавшие слегка изумились тому, что Анна, хоть в вежливой форме, но решительно свернула все дальнейшие разговоры и указала гостю на дверь.

* * *

Вечером того же дня Федор Петрович вышел на связь по скайпу с Кириллом Дунаевым. Седовласый холеный красавец, полковник МВД в отставке, знаменитый оперативник МУРа и детектив, ныне он являлся вице-президентом компании Юнгфрау по безопасности и связям с общественностью. Все знали, что Дунаев равнодушен к Анне Захарьиной, что не мешало крепкой мужской дружбе между ним и Федором Измайловым.

– Привет, Кирилл, – начал Измайлов. – Не успел я приехать в Питер, как мы с Аней попали в очень странную историю. Вдруг всплыл этот чертов Владимир Розенфельд, которым мы занимаемся в последнее время.

– Да иди ты! – изумился Дунаев.

– Подожди, Кирилл, я тебе все расскажу. Надо решить, что делать.

Выслушав рассказ Федора, Дунаев только и развел руками.

– Отпусти тебя на два дня – ты вон куда попадаешь!

– Ладно, – усмехнулся Измайлов. – Аня, подходи.

Устроившись перед ноутбуком, Захарьина приветливо сказала:

– Здравствуй, Кирилл дорогой. Представляешь, какие случаются совпадения и пересечения! Хочу усилить впечатление. Отец этого Розенфельда Борис Натанович был ближайшим другом моего отца.

– Аня, передай привет папе и маме. Скажи, что я с нетерпением жду встречи с ними.

– Кирилл, как Вова Розенфельд, за которым, по-моему, не очень чистые дела, вышел на вашу компанию? – перехватила инициативу Захарьина.

– Аня, мне горько говорить об этом. Но его порекомендовал Серебровскому не кто-нибудь, а покойный профессор Верт.

От изумления у Анны перехватило дыхание.

– Не может быть!

Профессор Николай Константинович Верт, ученый с мировым именем, знаменитый геолог, консультирующий почти все нефтяные компании страны, был застрелен при загадочных обстоятельствах в апреле 2006 года. Тогда расследовать это преступление поручили Анне Захарьиной, и это дело круто изменило ее жизнь – распутывая сложный клубок дела Верта, она

встретила и полюбила Федора, который ради нее подставил себя под пули киллера. Конечно, дело Верта Анна помнила в деталях. Тем более, что после тяжелого ранения Федор ушел из милиции и принял приглашение друга Верта и главы Юнгфрау Матвея Серебровского возглавить его службу безопасности.

– Еще как может, – ответил Дунаев. – Владимир Розенфельд объявился у нас в компании в марте 2006 года с прямой подачи Николая Константиновича. Что он знал о нем? Где пересеклись их судьбы? В апреле, как ты знаешь, произошло то, что произошло. Верт был убит. Ну а Розенфельд начал очень активно работать с нами и, по моему скромному мнению, первые два проекта оказались очень успешными. Оборудование было поставлено хорошее, цены вполне рыночные. Потом Матвею Борисовичу, ну и нам, конечно, стало казаться, что началась что-то не то. Качество поставок американского оборудования ухудшилось, цены казались завышенными. В это время Владимир Розенфельд имел статус официального представителя компании Колорадо Текнолоджис. Компания не очень крупная, но быстро растущая. Репутации пока никакой. Но мы с удивлением заметили, что он продвигает проекты и других компаний. Мы начали присматриваться к этому оборотистому человеку, но он очень умело прикрывался именем покойного Верта. Ты же знаешь, после гибели Николая Константиновича в Юнгфрау вообще сложился какой-то культ Верта. И шеф до сих пор грустит и вспоминает тот страшный апрель. Может, все так бы и продолжалось, но тут в одной из сибирских дочек Газойла произошла серьезная авария. Фонтанный выброс и пожар. Погибли два человека. Много пострадавших. Предварительно считается, что причиной аварии является брак оборудования, надо сказать, удивительный для американцев. Газойл, как ты понимаешь, серьезные ребята, компания гигантская. Начали разбираться. Мы тоже начали копать. И вот тут-то Владимир Розенфельд исчез. Сейчас мы думаем, что же нам делать дальше. Скажи, Аня, а не может исчезновение милой старушки быть связано с исчезновением ее сына?

– Может, – грустно ответила Аня. – Я буду этим заниматься здесь, в Питере. Но интуиция подсказывает мне, что центр тяжести расследования все-таки переместится в Москву. Пока же, Кирилл, прошу тебя вместе с Федей крутануть ту богадельню, те «рога и копыта», которые Владимир Борисович, если я не ошибаюсь, организовал в Москве. Если я не ошибаюсь, это называется Представительство американской компании Колорадо Текнолоджис?

– Ты права как всегда, – коротко ответил Дунаев. – Ну ладно, хватит с делами. Расскажите, как вы там устроились?

После обстоятельных объяснений Захарьиной и Измайлова Дунаев признал, что у них в Москве обстановка только накаляется.

– Адская жара, – заключил он.

Воскресенье, 8 августа

Анна, Федор и Михаил Розенфельд ехали по Приморскому шоссе в сторону Санкт-Петербурга.

– Анна Германовна, тьфу, Аня, удивительная вещь человеческая психология. Только вчера исповедовался вам и вашему папе, только вчера вы обещали помочь, а уже сегодня – чувство колоссального облегчения. Все тревоги остаются прежними, а на душе легче.

– Так всегда бывает, – с интонацией знатока произнесла Анна. – Кончился период бездеятельной рефлексии, настало время действия. Мы еще повоюем за вашу маму.

– Знаете, Аня, я хорошо помню вас девочкой, а потом девушкой. Я же раза три или четыре приезжал с мамой к вам в Москву. Кто бы мог подумать, что такая симпатичная резвушка станет генеральшей.

Однако тема быстро иссякла. Было видно, что у Анны нет никакого желания поддерживать этот разговор.

Воскресный Петербург был пуст и прекрасен. Захарьиной нередко приходилось бывать в Северной столице и тем не менее каждый раз несравненная архитектура и градостроительные изыски Питера наполняли ее каким-то благоговением. Анна до мозга костей была москвичка. Но это не мешало ей восхищаться великим городом, который в XX веке пережил столько ужасов, гонений и страданий. Особой нежностью наполняли ее воспоминания о том, как в свой медовый месяц они с Федором сбежали не в Париж или Рим, а сюда – на берега Невы.

Наконец они добрались до жилища Розенфельда и вошли в подъезд красивого кирпичного дома с навесными лифтами и когда-то роскошным холлом внизу. Дверь им открыла симпатичная молодая женщина. Невысокого роста, слегка полноватая, пышногрудая, она отличалась прекрасной кожей медового оттенка и замечательными вьющимися русыми волосами. Пока гости входили, приятная круглолицая хозяйка стреляла глазами то на Федора, то на Анну. Было видно, что Измайлов поразил женщину своим ростом. На фоне маленького Михаила Федор казался каким-то необыкновенным гигантом. Облик же Анны никак не вязался в сознании супруги Розенфельда с теми высокими должностями, которые та занимала. «Дивчинка», – охарактеризовала она про себя гостью на своем родном украинском языке.

После представлений Федя вежливо откланялся, сказав, что пойдет подышать воздухом и хоть немножко посмотреть на Московский проспект.

– Ты тут, Аня, давай без меня, – сказал Измайлов руководящим голосом. – Как закончите, позвони, я подтянусь.

Анна и чета Розенфельдов расселись в идеально вылизанной и «богато» меблированной гостинной. Вообще квартира производила несколько странное впечатление. Все было прибрано таким образом, что казалось, что здесь никто не живет, а вся обстановка – это что-то вроде «парадной залы» в хорошей крестьянской хате, где главное – впечатление о достатке и благоустроенности семьи.

– Скажите, Оксана Петровна, – спросила Анна. – Как давно вы живете в Санкт-Петербурге?

– Зовите меня Оксаной, – весело ответила хохлушка. – Значит, приехала я сюди семь лет назад. Тобто в Питер приехала. Перший час так трудно було. Перебивалася подденщицей – там прибрати, здесь окна помити... В общем, по-всякому.

Анна поймала себя на мысли, что ее неприятно поражает тот язык, на котором говорила Оксана. Какая-то причудливая смесь русского и украинского. Получалось, что и не то, и не другое. К тому же сильно резала слух интонация, с которой говорила, а точнее, подвывала хозяйка.

– Потом все было добре. Михаил Борисович покликнул мене сиделкой. Доглядати за Еммою Маркивною, – уточнила для непонятливых Оксана.

– Как вы познакомились? – поинтересовалась Анна, которая не могла понять, как, живя в такой семье, Оксана не удосужилась научиться правильно произносить имя своей свекрови.

– Да я в его больнице санитаркою була. Утки выносила, ж...ы мыла. Всякое такое. Больница-то его лучшая в Питере. А он там заведующим отделением. Все наши его дуже любили, – обернулась Оксана к мужу. – Такой человек, а скромный до самого не могу. Пригласил Миша мене в свой кабинет и говорит: «Поухаживай за моей матерью. Трудно тебе с ней будет. Но я тебя очень прошу. Платить буду хорошо». Ну и пришла я суди до Еммы Маркивни, – с неким подвыванием, явно готовясь пустить слезу, рассказывала Оксана.

– Как складывались ваши отношения?

– Хорошо, – ответила Оксана. – Я за нею доглядала, уколы робила. Она ведь не была такой тяжелой. Даже когда погано було, из последних сил вставала и в туалет, и в душ. Правда, ось мыться я ей помогала. Прошло, наверное, месяца три. Вдруг она меня спрашивает: «Ты где, Оксана, живешь?» Я ей объясняю, шо пятеро нас хохлушек зняли квартиру на Автово. Там и ночую. «Зря ты это, – каже она, – перебирайся до нас». Я ответила: «Неудобно, стеснять вас буду». Ну а Емма Маркивна своим приказным голосом: «Чепуха, перевози свои вещи, все буде добре. Четвертая комната все одно пустует». Дуже ей понравилось, шо я квартиру привела в порядок, отдраила все. Летом мы с ней много гуляли. Миша возил нас на озера и на взморье. Старушка окрепла, стала меньше плакать, уж больно она мужа вспоминала и вечно грустила. Потом вдруг каже мне: «А ты почему с Мишкой не спишь? Шо тоби мешает?» Я от изумления чуть в обморок не упала. «Так ведь, – кажу я, – никаких предложений с его стороны не було. Он ведь святой. Скильки врачей и сестер задницей перед ним крутят, а он хоть бы что». «Ну, – каже она, – шо мне тебя учить. А Мише добре з тобою будет». Ну сказано – сделано.

Михаил Борисович сидел красный как рак.

– Действительно, все ничего було. Потом зрозумели, что один без другого не можемо. Миша мене замуж покликнул. Я дуже тогда удивилась. Куды мене в семью такого человека. Говор у меня бачите який. Одеваться не умею. Но Миша настоял. Тут я, дура, все испортила. Треба було сказать маме Миши. А мне неудобно было как-то. Вот мы втихря и расписались. Срам. Месяца два прошло, и мы все рассказали. Шо було, шо було... Вспомнить страшно. Старуха мене чуть не побила. То все целовались, миловались з нею, а тут она мене иначе, как шлюхой и не кликала. И все кричит: «За моей спиной. Як так можно!» В общем, обиделась она сильно. Мене до себе не пидпускала. Но как-то потом все наладилось. Но тут цей гад объявился – братец Миши. Появлялся нечасто, в то время, когда Миша на работу уезжал. И давай настраивать Емму Маркивну против брата. А мне шо говорил – вспомнить страшно. Ткнет в мене пальцем и кажет: «А вот это будущая убийца тебя и дурня Мишки». И все время рассказы о том, як прекрасно в Америке. А месяца три назад Емма Маркивна получила закардонный, то бишь заграничный паспорт – новый. У нее вообще-то был заграничный паспорт. Они с Мишей ездили до Финляндии. Но паспорт кончился, и Володька начал оформляти новый документ. А хуже всего було, шо синочек приносил Емме Маркивне сигарки. Она курила всю жизнь, но потом, говорят, – лет десять назад – врачи це категорично запретили. И Миша, и я – мы костями лягали, щоб оттянуть ее от табака. А тут эта шкидлива привычка возобновилась. Принесет ей Вова три-четыре пачки сигарок, старушка накурится до одурения, тут я у нее эти сигарки сопру и в помойку. А она мене по щекам хлостит и все говорит: «Злодийка, злодийка». Вот так вот и жили. Но самое-то удивительное другое. Бували у нее минуты, коли она одумывалась, просила прощение, гладила, цилувала мене, а потом знову все по-старому.

– Оксана, а как произошло само исчезновение Эммы Марковны? – спросила Анна.

– Не знаю, шо и сказати, – смущенно ответила Оксана.

– А вы вспомните тот день. Может, детали какие-нибудь интересные? А там, глядишь, картина и сложится.

– Ладно, попробую, – горестно промямлила Оксана. – Встала свекруха, как обычно, довольно рано. Миша еще на работу не уехал. Ну як заведено – в туалет сходила, помылась, попросила причесать ее. Потом сели завтракать. После завтрака она пишла до себе в комнату и вернулась к чаю с зажженной сигаркой. Я еще тогда ее тайник обнаружить не успела. Не выкинула эту гадость. Но настроение у нее было не поганое. Я сказала, шо пиду на рынок, куплю чогось смачненького. Помню ее последние слова: «Иди-иди, хоть трошки отдохну от тебя». Це було в 10 часов утра. Ну и все. Больше я ее не бачила. Вернулась через 2,5 часа – свекрухи нема. Я сперва не дуже испугалася. Она могла выйти без меня во двор и как-нибудь забалакаться. Но я скорее во двор – а ее нема. Я давай Мише звонить. Он был на операции. Часам к трем начался весь шухер. Миша в милицию побег, ну а дальше вы, наверное, знаете.

– Скажите, пожалуйста, а какие вещи пропали с вашей свекрвью?

– Да много всего. Много белья, тренировочный костюм типу «олимпиаки», которую Емма Маркивна дуже любила. Пара платьев, хороший жакет. Ну шо еще? Да! Исчезли все драгоценности Бориса Розенфельда. Так мы це називали. Покойный муж постоянно дарил ей. Я-то в ювелирке ничего не розумию, но Емма Маркивна любила показывать мне. Ось так сидела, перебирала и вспоминала. По-моему у нее це добра було на дуже велики гроши. Когда была помоложе, она носила эти штучки, а после смерти Бориса Натановича сложила все в шкатулку и только изредка дивилася на них и вспоминала.

– Да, дела, – протянула Анна.

Оксана перехватила инициативу.

– Прошу все ж таки за стол, хоть чаю выпьем...

* * *

А в это время Федор Измайлов вел преинтереснейшую беседу с соседками исчезнувшей дамы. Он и не заводил разговора со старушками. Просто сел на лавочку недалеко от группы пожилых женщин, которые тут же проявили к нему завидный интерес. «Такой симпатичный гигант», – перешептывались бабушки. Не обратить на него внимания они не могли. Рост Измайлова превышал два метра. Широченные плечи, длинные руки. Лицо Федора, правда, имело явные следы серьезных занятий боксом. Немного свернутый на сторону нос, побитые уши. Зато какие большие добрые глаза! Да и одет он был просто. Джинсы, хорошая рубашка, хлопчатобумажная жилетка с большим количеством карманов и карманчиков. «Даже если и бандит, то положительный. Вроде тех, кого в кино показывают», – не сговариваясь, решили бабушки и смело завязали беседу с незнакомцем.

– Вы к кому приехали? – спросила востроносая худенькая старушка. – Мы тут всех знаем.

– Да я-то ни к кому не приехал, – вальяжно ответил Федор. – Хозяйка моя приехала в 12-ю квартиру к Розенфельдам, а я вот ее сию жду.

– Вы что же шофером при ней? – спросила другая маленькая старушка.

– Нет. Шофер у нас другой. А я будто телохранитель, – услышав эти слова, бабушки довольно закивали.

– Да, за такой красоткой нужен глаз да глаз. Это вы правы. А чего это она к Розенфельдам приехала?

– А папа хозяйки и Борис Натанович – знаете такого? – были большими друзьями. Вот она и приехала попроведать семейство.

– Ну как не знать Бориса Натановича! Ведь какой человек был! – заговорили все бабушки сразу. – Сколько голов разрезал, скольких людей спас. А простой был. Вежливый, ласковый. Всегда поздоровается, всегда по медицине какой поможет. Да, были люди, – мечтательно про-

молвила одна из старушек. – Только зря ваша хозяйка сюда приехала. Кроме Миши, никого тут нет. Володька укатил за границу, хотя и бывает здесь изредка. А Эмму Марковну извели.

– Как это извели? – с неподдельным изумлением воскликнул Измайлов. – Что значит извели?

– А то и значит, – ответила самая продвинутая из старушек, которую звали Екатерина Петровна. – Пустил Мишка в дом змею подколенную. Оксанку, хохлушку эту. Ну она быстро свои порядки и навела. Женила дурака на себе и свекровь извела.

– Так что же она ее убила, что ли? – спросил псевдотелохранитель.

– Убила не убила, а только нет Эммы Марковны. Конечно, старая она стала...

«Тоже мне молодухи!» – подумал про себя Измайлов.

– Забывать многое стала. Выйдет во двор погулять, чаще с Оксанкой, но иногда и одна. Три раза встретишься с ней – три раза поздоровается. Не помнит, что вчера говорила. Зато как про старые времена разговор зайдет, как начнем блокаду вспоминать, тут она все до мельчайших подробностей помнила и про Бориса Натановича тоже. Мне иногда казалось, что она вообще-то не очень понимает, что муж умер. Он для нее как живой был. А уж добрая-то она была. Скольких она деньгами выручала. Знаете, на какие пенсии мы живем? А Эмма Марковна всегда помочь готова была. А уж если, кто из нас что попросит и скажет, что для внуков, так сразу даст денег. Своих-то внучат бог не дал ей. А Оксанка, стерва, аж зубами скрипела и все в свою книжечку записывала, когда, кому, сколько денег Эммочка одалживала.

– Ну и что отдавали долги?

– Мы, конечно, отдавали, – с достоинством сказала Екатерина Петровна. – Но были и такие, что добротой ее пользовались. Так и остались ей должны, кто по пять, кто по три тысячи... У Оксаны этой все записано.

– И что же она могла сделать со старушкой?

– Да кто ж знает наверняка? Может сунула ее в какую-нибудь богадельню под другой фамилией, и томится она там, болезная. Мы все думаем, что сейчас что-нибудь с Мишей случится и останется она хозяйкой такого сокровища, как эта квартира. Метраж-то какой! И самый центр города! Что тут говорить.

– Да, – еще раз протянул Измайлов.

– Вот ты, родной, телохранитель, зря ты тут с нами прохлаждаешься. Если, когда и охранять твою хозяйку, так вот сейчас. А то не ровен час, отравит эта мерзавка твою красотку.

– Ну уж прямо и отравит! – невесело улыбнулся Федор. – А что же второй сын? Который за границу уехал. Он-то к матери как?

– А что с него толку! Эмма Марковна рассказывала, что он ее все в Америку звал. Какой-то там особо красивый штат есть. Название не помню. Ну а Эммочка посылала его куда подальше. Я вообще не могу понять, чего он ее звал. Разве она от могилы Бориса Натановича куда-нибудь бы двинулась?

– Да жива, она жива, – настойчиво вклинилась в разговор еще одна соседка, которую подруги именовали Игнатъевной, – жива она – это точно. Как она исчезла, две недели прошло. Я пошла в церковь, свечку за упокой поставить, три раза ее зажигала, три раза пламя задувалось. Нет ее на том свете. Такой примете верить можно.

Любопытную беседу о судьбе пропавшей Эммы Марковны прервал звонок. Анна попросила Федора подняться в квартиру Розенфельдов.

* * *

Вся компания пила чай с какими-то изумительными пирогами и плюшками, испеченными Оксаной. Федор Петрович был задумчив, а его супруга весело щебетала, уплетая пышную выпечку. Все увлеченно рассматривали увесистый семейный альбом с фотографиями

Розенфельдов. Михаил сидел несколько обескураженный. Повествование Оксаны далось ему не просто.

Наконец Федор сказал:

– Уже полдвенадцатого, нам пора.

– Сейчас я отвезу вас в отель, – радостно подскочил Миша.

– Нет, спасибо. У нас другие планы, Михаил Борисович, – настоял на своем Федор.

Когда сыщики вышли на улицу, Измайлов нежно обнял Анну за плечи и сказал:

– У меня такое предложение. Давай мы немножко погуляем по центру города, найдем хотя бы на часик в Русский музей, а потом пообедаем в гостинице «Европа».

– В «Европейской», – улыбнувшись, поправила мужа Анна. – Повторим маршрут из медового месяца?

– Хотелось бы, – весело ответил Федор.

Еще в самом начале супружеской жизни Анна заметила, что Федор необыкновенно любит живопись. Она сразу поняла, что бывший муровский оперативник обладает каким-то безупречным и безошибочным художественным вкусом. Ему нравились и классика, и новое искусство. Причем были такие произведения, у которых Федор мог стоять часами. Постепенно он стал рассказывать Анне, что около некоторых картин он как будто теряет себя в пространстве и времени. Ему кажется, что он переносится в иные обстоятельства и становится частью сюжетов, изображенных на полотнах великих мастеров. Аня была уверена, что в Русский музей Измайлова потянуло непреодолимое желание постоять рядом с потрясающим полотном Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Это бывало у Феде. Когда бы они ни приходили в Третьяковку, а случалось это довольно часто, Аня знала, что, вопреки всем планам, он обязательно должен побыть какое-то время рядом с шедевром Врубеля «Принцесса Греза». Анна подхватила мужа под руку, и они отправились ловить такси, которое должно было доставить их на Инженерную улицу в любимый музей.

Позже за обедом они обменялись информацией и впечатлениями, полученными в первой половине дня. Измайлова удивило то, что Анна очень доверилась рассказу о затухавшей свечке.

– Ты знаешь, Федя, – сказала она. – У меня сильное предчувствие, что старушку мы найдем. Где – это другой вопрос. Нужно искать Розенфельда-младшего, живым или мертвым. Сам видишь. Думаю, все самое интересное нам предстоит в Москве. Убеждена, что любящий сын Вова увез старушку из города и где-то спрятал. Разговоры про заграничный паспорт, конечно, смущают. Но в конце концов мы все проверим.

– Анюта, – скептически усмехнулся Измайлов, – что ты проверишь? У страны открытая граница. Сел в поезд Москва – Киев, и через сутки полетел из Борисполя, куда заблагорассудится.

– Да, ты, конечно, прав, но все равно, будем искать по всем направлениям.

Воскресенье закончилось тем, что исполнительный таксист Борис Николаевич отвез академика Захарьина и Федора Измайлова на Московский вокзал, где они сели на любимый поезд «Красная стрела», который отбывал в Москву в 23 часа 55 минут.

Понедельник, 9 августа

Утром в понедельник Анна проснулась с тяжелым чувством. Ее тяготила мысль о том, что надо поговорить с шефом. Она с грустью думала о том, что нужно решать что-то со своим будущим и Смирнов наверняка в очередной раз нажмет на нее, чтобы склонить к нужному решению. Когда Анна услышала в трубке голос Анатолия Борисовича, ее несколько удивили игривые интонации, звучащие в голосе высокого государственного чиновника. «Какое счастье, что я до него так сразу дозвонилась, – подумала Анна. – Утром, в понедельник. Интересно, где он сейчас?»

– Привет, отпусница! – весело шумел Смирнов. – Не иначе, как по работе соскучилась. Самое время – самое время. Я хорошо помню, когда ты должна выйти из отпуска. Небось на каких-нибудь Канарах прохлаждаешься?

– Нет, Анатолий Борисович. Я на море. Но на Карельском перешейке, а не на Канарах. У меня к вам очень серьезное и важное дело. Прошу помощи. Беспokoю вас только по крайней необходимости. Если вы разрешите, суть моего дела и свои предложения я направлю на вашу электронную почту. Когда мне вас побеспокоить?

– Жди моего звонка. Как только освобожусь, сразу позвоню. – И Смирнов тут же дал отбой.

Анна сбросила секретарю Смирнова Инге заранее подготовленное письмо и настроилась на длительное ожидание. Анна искренне любила и уважала заместителя Генерального прокурора РФ, своего многолетнего боса Анатолия Борисовича Смирнова. Это был высококлассный юрист, мастер разумного компромисса и совсем несчастный толстяк, что делало его любимым героем анекдотов и злых колкостей. У него было 40 килограммов избыточного веса и, по-видимому, какой-то неправильный обмен веществ. Все его сидение на диетах, поездки в санатории и лечебницы в лучшем случае не давали никакого результата, а в худшем после сбрасывания 3–5 килограммов вызвали жуткий скачок веса со знаком плюс, так что у Анатолия Борисовича просто опускались руки. Он был все время голоден. Специфический метаболизм организма заместителя Генерального прокурора был, по-видимому, связан с тем, что он постоянно находился в состоянии сильнейшего стресса. А врачи постоянно напирали на то, что ему, конечно же, удастся решить все свои проблемы с весом, а, следовательно, и с сердечно-сосудистой системой, если он будет спокоен и будет вести размеренный образ жизни, много двигаться, заниматься физкультурой. Однако реальные обстоятельства жизни Анатолия Борисовича исключали столь благостное и упорядоченное течение жизни. Он нервничал, заедал стресс, толстел, видел, что здоровье никуда, и опять ел.

Ждать Анне пришлось совсем недолго. Вскоре зазвонил телефон. Веселый Смирнов начал речь за здравие:

– Твое письмо мне понравилось, особенно в той части, что ты просишь отозвать тебя из отпуска. Всегда пожалуйста. Обращайтесь. Много веских оснований. Похищена, а, может, и убита блокадница, заслуженный человек. Исчез и, возможно, тоже убит американский гражданин. Дела, конечно, надо объединять. Тут и разговаривать нечего. Я сейчас дам необходимые указания, подумаем, где открыть дело, и изыдем его к себе. В Питер я уже позвонил. Там есть такой Дорофеев, он тебя ждет. Только оденься попримичнее, – ни к селу ни к городу проборотал Смирнов. – Вообще держи меня в курсе дела. – А потом совсем другим тоном добавил: – Приезжай скорей в Москву. Я по тебе очень соскучился. Все, отбой.

«Так, – подумала Анна, – события разворачиваются стремительно».

Закончив разговор с Москвой, Захарьина созвонилась с Максимом Петровичем Дорофеевым, главным следователем по Петербургу и Ленинградской области. Быстро договорились о встрече в три часа дня. Аня подготовила необходимые для разговора бумаги и вместе

с Верочкой и мамой пошла на часок на море. По пути она лихорадочно соображала, чтобы такое ей надеть, чтобы не повредить нравы петербургских следователей.

* * *

Без пяти три Анна Германовна Захарьина, Государственный советник юстиции третьего класса, входила в кабинет Дорофеева. Это был еще совсем молодой человек из новых выдвиженцев. Он как бы иллюстрировал знаменитую фразу о человеке в мундире, застегнутом на все пуговицы. Круглолицый, гладко причесанный блондин, с безупречно выбритым лицом, о котором только и можно было сказать – как у всех. «Идеальный кадр для разведки», – подумала Захарьина. Была, однако, одна деталь, выдававшая Дорофеева с головой. Ярко-синие глаза, казалось бы, бесцветного мужчины были на удивление цепкими и внимательными.

Анна несколько раз видела Максима, когда он еще не занимал столь высокого положения, но знала о своем собеседнике крайне мало. Карьерный взлет Дорофеева пришелся на время ее отпуска по уходу за ребенком. А молодой петербургский начальник ничего не мог с собой поделаться и с нескрываемым интересом рассматривал московскую гостью. Он, конечно, тоже видел ее раньше на многочисленных коллегиях и совещаниях. Но там Анна была в форме и погонах, а здесь сидела красotka, принарядившаяся в воздушное шелковое платье, подчеркивающее все достоинства безупречной фигуры. «Конечно, одета я не совсем к месту», – подумала Анна, заметив взгляд Дорофеева. Но ничего подходящего в ее гардеробе для отдыха на побережье не было – ни пиджаков, ни строгих юбок.

Отработанным и заученным движением Аня достала из сумочки свое удостоверение, на которое Дорофеев даже не посмотрел. Он был ниже Анны по званию. Конечно, в ближайшее время он должен был получить генеральские погоны. Но дело было не в этом. В следственных органах была разлита какая-то звенящая напряженность. Все ожидали, что наконец будет принято решение о выделении органов следствия в самостоятельную государственную структуру и отделении их от прокуратуры. Новые структуры, новые должности, новые звания. Осведомленные люди намекали Дорофееву о том, что Смирнов станет как минимум первым заместителем председателя Следственного комитета. А тут перед ним сидела его любимая сотрудница. «Да и только ли сотрудница? – думал Дорофеев. – Работать с такой женщиной рядом и оставаться только сотрудником! Ну да ладно, не мое это дело».

– Максим Петрович, чтобы не тратить ваше время, я подготовила коротенькую записочку. – «О боже, что я несу – почему записочку, – думала про себя Анна. – Совсем расслабилась, надо подсобраться».

– Большое спасибо, – сказал Дорофеев, – я сейчас ознакомлюсь.

Читал он быстро и хватко. Закончив это занятие, Максим Петрович изрек:

– Все понял. Конечно, ваши предложения принимаются безоговорочно. Завтра все сделаем. А сегодня я накручу наших милиционеров. Скажу прямо, виноваты. Но сейчас просто беда какая-то. Старики и старухи пропадают. Продолжительность жизни немножко подняли, а достойного ухода нет. Медицинская геронтология отстала.

– Но здесь-то дело не в этом, – улыбнулась Анна. – Эмма Марковна Розенфельд – сама в прошлом прекрасный врач, мать известного нейрохирурга. Уход за ней был хороший. Здесь какая-то более сложная комбинация семейных и, я опасаясь, уголовных мотивов.

– Да, весьма возможно. Только все это за уровнем понимания наших милиционеров. Но прошерстить дома престарелых, больницы и морги они были обязаны. Посмотрю, что было сделано.

– Максим Петрович, – Анна взяла инициативу в свои руки, – Смирнов сказал вам, наверное, что планируется изъятие дела у вас и объединение его с другим делом, касающимся исчезновения Владимира Розенфельда. Это младший сын Эммы Розенфельд. Так что без обид.

– Какие тут могут быть обиды? – повысил голос Максим Петрович. – Когда такая знаменитость, краса и гордость следственных органов, как вы, берется за дело, для нас это честь.

– Но вы же представляете не Царево-Кокшайск, а Санкт-Петербург, – галантно парировала Анна, которая уже уловила нужный тон общения с молодым и перспективным Дорофеевым и чувствовала себя хозяйкой положения.

– Если официальная часть закончена, – сказал Максим Петрович, – предлагаю выпить по чашке чая или кофе со мной и моими коллегами.

Анна поняла, что отказать нельзя:

– С удовольствием, – схитрила гостя из Москвы.

Они прошли в небольшой «спецбуфет», где Анна добросовестно просидела полчаса в компании мужчин, удивив всех отличным аппетитом. Захарьина выпила две больших чашки ароматного кофе и чуть ли не в одиночку освоила огромное блюдо с пирожками.

Когда Дорофеев провожал Захарьину до машины Бориса Николаевича, он не удержался и сказал ей.

– Если будет такая возможность, скажите между прочим Смирнову, что мы делаем все возможное по вашему делу. Нет, – поправился и добавил по-киношному: – По нашему общему делу.

– Разумеется, – ответила Анна. Довольная тем, как прошла встреча, она попросила отвезти ее в отель.

– Больших пробок нет, быстро доберемся, – заверил ее Борис Николаевич.

Оказавшись в номере, Захарьина сразу позвонила мужу узнать, есть ли новости о Владимире Розенфельде.

– Я тут занимаюсь самоуправством, – рассказал Измайлов. – Попросил по старой дружбе майора Анохина наведаться в представительство компании Колорадо Текнолоджис в Москве. Похоже, то еще осиное гнездо. Кстати, не могу удержаться. Андрей перечислил мне всех, кто там трудится. И ты знаешь, кого мы там встретили? Твою любимицу Таню Волкову, которая проходила по делу Верта. Помнишь, как ты лупила ее в квартире мамы в городе Пушкино?

– Как она умудряется так влипнуть? – смущенно пробормотала Анна. Она хорошо помнила симпатичную авантюристку, которая втягивалась во всякие дурацкие бизнес-проекты и делала долги, а потом расплачивалась своим телом. Со временем невезучая Танюша превратилась в обычного коммерческого шпиона и даже умудрилась чуть ли не стать соучастницей в деле об убийстве Верта. Только гуманность старшего следователя по особо важным делам Захарьиной, пожалевшей глупую девочку, позволила рыжеволосой красавице остаться на свободе.

– Ну, в общем, пока это все выглядело как доследственная проверка, – резюмировал Измайлов. – Факт исчезновения Розенфельда налицо. Будем ждать действий Смирнова. Подскажи, кстати, своим, чтобы включили Анохина в твою будущую следственную группу. Это очень облегчит нашу работу.

Вторник, 10 августа

Утром сразу после семейного завтрака в холле отеля к Анне подошел симпатичный молодой человек, который четко по-военному представился.

– Капитан Сергей Николаевич Громов, оперуполномоченный уголовного розыска Санкт-Петербурга. Со вчерашнего вечера начал работать по делу об исчезновении Эммы Марковны Розенфельд.

«Ничего себе, – подумала Анна. – Дорофеев времени не теряет». Розовощекий остроносый крепыш с копной рыжих волос, большими серыми глазами навывкате сразу понравился Захарьиной. Он производил впечатление старательного, въедливого оперативника, от него веяло какой-то исполнительностью и серьезностью. Причем выглядел он вполне добродушным и веселым парнем.

– Очень приятно, – кокетливо сказала Анна. – Я думала все начнется только через пару дней. Но чем раньше, тем лучше.

– Дело будет возбуждено сегодня. Я жду ваших конкретных указаний на ближайшее время.

– Видите ли, Сергей, вам ведь, наверное, сказали, что это дело будет изыматься в Москву в связи с тем, что исчез американский гражданин Владимир Розенфельд?

Громов понимающе кивнул головой.

– Связаны между собой эти эпизоды или нет, пока мы не знаем. Но у меня есть очень серьезная просьба к вам.

– Какая уж просьба, – усмехнулся Громов, – задание!

– Хорошо, задание. Я прошу вас, потряхните как следует невестку Эммы Марковны гражданку Пушкарь Оксану Петровну. Что-то она меня смущает. Приехала с Украины, быстро получила гражданство, вышла замуж за крупного врача. Как-то все и сразу. А тут такие события.

– Что будем искать взяточников в системе миграционной службы? – прямо спросил Громов.

– Скажу вам откровенно, – отмахнулась Анна, – не до взяточников нам сейчас, ловить их – не переловить. Старушку надо искать. А для этого необходимо отработать линию невестки. У меня мысли такие. Официально возьмите ее паспорт, снимите с него копию, а дальше будем думать. Надо подготовить запрос в Киев, чтобы они проверили все документы и выяснили вообще, кто такая гражданка Пушкарь. Ну а вы, как уже говорили, посмотрите, что да как у Оксаны складывалось в Петербурге. Еще, конечно, хорошо бы прошерстить окружавших Эмму Розенфельд старушек. Она была для них чем-то вроде кассы взаимопомощи. Вы же знаете, что в вашем городе блокадники на особом положении, да и кое-что от мужа у нее осталось. Так что щедра была и отзывчива.

– Откуда вы про старушек знаете? – удивился Громов.

– В воскресенье я была у Розенфельдов и, пока беседовала с Оксаной, мой муж немножко пошустрил по окрестностям.

У Громова совершенно непроизвольно вырвалось:

– А кто у вас муж? – Сергей сам ужаснулся своей дерзости. Нашел с кем так разговаривать.

Но Захарьиная, вспомнив любимый фильм «Обыкновенное чудо», улыбнулась:

– Мой муж не волшебник, а бывший муровский старший оперуполномоченный. Сейчас работает в нефтяной компании Юнгфрау. Не беспокойтесь, Андрюша, ни во что он вас не превратит. В общем, вам надо хорошо потряхнуть весь этот муравейник.

– Есть еще одно тонкое обстоятельство, – после некоторого раздумья сказала Анна. – Говорить об этом тяжело, но необходимо. Нужна очень аккуратная проверка самого Михаила Розенфельда. Отношения, финансовое положение, что на работе и т. д. Есть одно облачко на горизонте Михаила Борисовича. Много лет назад, точно я не знаю, он женился, а потом развелся. Мой отец, хорошо знающий его семью, вообще считает, что брак распался из-за активных усилий мамы Михаила. Так это или не так, я не знаю. Но надо бы понять, какие были у них отношения на самом деле. Договорились?

– Будет сделано, – четко ответил симпатичный оперативник. – Анна Германовна, – смущаясь, сказал Громов, – с Розенфельдом, конечно, дело тонкое. Не обидеть бы человека. – А потом приободрившись, отчеканил: – Ну а гражданкой Пушкарь я займусь немедленно, еду к ней. Все координаты и телефоны у меня есть.

– Ладно, тогда до встречи, хотя есть у меня предчувствие, что завтра я буду в Москве.

Предчувствие не обмануло Анну. Ближе к вечеру позвонил помощник Смирнова и сообщил, что с четверга она отозвана из отпуска, кроме того создана следственная группа, которая будет работать по делу об исчезновении Розенфельда.

– Ленинградское дело заберем чуть позже. Так что, Анна Германовна, с четверга можешь приступать к работе.

Анна поблагодарила за проявленную оперативность и принялась звонить отцу в Москву. Герман Владимирович пребывал в отличном настроении. Анна поняла, что, по-видимому, обе операции, намечавшиеся на начало недели, прошли хорошо.

– Завтра у меня операция в 10 утра. Продлится часа три. Хотя кто его знает. Я вот думаю, не вылететь ли мне к вам для разнообразия самолетом. Конечно, выигрыша во времени с учетом поездки в Шереметьево не так уж много. Ладно, постараюсь выехать все-таки дневным «Сапсаном». Твоих планов не знаю, хотя Федор ждет тебя завтра вечером. Сообщи ему, когда ты приезжаешь. Он будет тебя встречать. Ладно, Анюта, не переживай, все будет хорошо. – Академик дал отбой.

«Все будет хорошо», – повторила она последние слова отца. Разговоры с ним всегда действовали на нее успокаивающе и в то же время заряжали энергией. Анна знала, что так происходит и с пациентами отца. Специалисты по биоэнергетике сказали бы, что он был мощнейшим энергетическим донором. Он лечил не только операциями, лекарствами, но и какими-то невидимыми посылами.

– Подумать только, – сказал Анна матери, – отцу 73 года. А он сохранил такую мобильность. Все-таки есть люди с какой-то особой энергетикой. Кстати, мама, как он умудряется быть все время в отличном настроении?

– Это так, – ответила Лидия Николаевна. – Ну ты не знаешь, как ему бывает тяжело. Вам он ничего не показывает. Но я-то с ним все время. И вижу, как ему дается такая напряженная жизнь. Сейчас главная радость для него вы. Так что не вздумайте съехать от нас. Отцу будет очень плохо, хоть он и не покажет ничего.

Лидия Николаевна затронула большую тему. Хотя сразу после перехода Федора в Юнгфрау, молодожены купили квартиру, переезд в нее так и не состоялся. Не могли они оставить родителей Анны без внучки, которая составляла смысл их жизни.

Среда, 11 августа

Анна Захарьина покидала гостеприимный Карельский перешеек. Машина Бориса Николаевича летела по старому Приморскому шоссе. За окном мелькали названия дачных поселков – Комарово, Репино, Солнечное. Впереди был Сестрорецк. В дороге Анна разговорилась со своим водителем, с которым за последние дни она провела столько часов. Оказывается, Борис Николаевич был бывшим офицером-десантником, прошедшим горячие точки. Во время второй чеченской войны он был ранен, после чего уволен из армии по состоянию здоровья. Положение было тяжелым. Мизерная пенсия, ни кола ни двора. Что делать? Ему удалось раздобыть старенький жигуленок, на котором он без усталы таксовал по Питеру и его окрестностям. Низкое качество автомобиля Борис старался компенсировать пунктуальностью, старательностью и умением выполнять дополнительные поручения клиентов – перевезти вещи, завести куда-то цветы или подарок и т. д. и т. п. Друзья удивлялись, как этот кадровый военный с обостренным чувством чести и собственного достоинства превратился в безотказно действующий обслуживающий персонал. Дела шли все лучше и лучше. Жигуленок был заменен на подержанный «фольксваген пассат», «дело» разрасталось. Умный и энергичный человек работал и от таксистских контор, и на вольных хлебах. Обзавелся своей клиентурой. Старался менять машины на те, что получше. Когда немножко встал на ноги, женился, родилось двое детей. И вот тут у него окончательно обрисовалась мечта. Он никогда ничего так не хотел в жизни, как уехать с семьей в Финляндию на постоянное место жительства. Гражданство? А что гражданство. Он уже хорошо послужил родине, а вот чем родина оплатила ему? В стране бардак, воровство, коррупция. Да, стало потише, получше. Бандитов немного прижали, именно благодаря этому он получил возможность прокормить себя и семью. Но в Финляндии-то изначальный порядок, хорошие люди, к русским относятся хорошо. Не трут все время тему войны тридцать девятого – сорокового годов. Насколько же они приличнее бывших советских прибалтов! Борис Николаевич вместе с женой влезли в долги и купили небольшой домик в курортном поселке Аасикало, расположенном между Лахти и Хельсинки. Рай на земле – и тебе море, и озеро. Иногда Бориса Николаевича мучали раздумья, кем будут его дети. Русскими, финнами – непонятно? Сейчас отставник-десантник жил на два дома. Семья – в Финляндии, а он старался зашибить деньгу здесь, вблизи родного Зеленограда.

За годы таксования Борис Николаевич повидал многое – лишних вопросов не задавал, возил кого угодно, куда угодно – лишь бы платили. Но он не скрывал, что такие люди, как семья академика Захарьина, доставляли ему большую радость общения и удовольствие от возможности чем-то помочь, что-то организовать, и в какой-то мере обеспечить нормальные условия отдыха. Таксист был совершенно очарован простотой и доброжелательностью Германа Владимировича. С большим уважением он относился к Измайлову, но Анна... Хороший муж и отец, он тем не менее про себя вздыхал: «Бывают же такие женщины». Сейчас он ехал с ней, и они говорили, говорили, говорили...

Когда путешественники припарковались у Московского вокзала, Борис Николаевич схватил два огромных чемодана Анны, и они поспешили на перрон к скоростному поезду.

– Муж встречать будет?

– А как же! – ответила Анна.

Вещи были размещены в поезде, Анна по хорошей русской традиции вышла из вагона, чтобы попрощаться. И здесь Борис Николаевич огорошил старшего следователя по особо важным делам:

– Анна, извините меня. Когда едешь, невольно слушаешь разговоры пассажиров. Я так понял, что вы ищите какую-то старенькую бабушку по имени Эмма Марковна, да? – Анна кивнула в ожидании продолжения разговора. – Вы знаете, похоже, я вез эту старушку.

– Не может быть! – воскликнула Захарьина.

– Конечно, уверенности нет. Но одну старушку вместе с солидным мужчиной средних лет я, по-моему, отвозил в Новгород. Это точно.

– Когда это было? – спросила обомлевшая Анна.

– Примерно месяц назад. Но по своим записям я могу уточнить. Заказ был очень хорош по оплате. Жалко, что я вам всего этого раньше не сказал. Но неудобно было, вроде как я подслушиваю.

– Дорогой Борис Николаевич, – ласково сказала Анна, – я понимаю, что все неокончательно, но вы такой груз сняли с моей души. Завтра с вами свяжется капитан Громов, пожалуйста, расскажите ему всю эту историю под протокол.

Уже сев в поезд, Анна связалась по телефону с капитаном Громовым и поведала неожиданную историю, рассказанную Борисом Николаевичем. Даже по телефону она поняла, что Громов был приятно удивлен. Значит, не смерть, не труп, не висяк. Что это было – похищение? Использование спутанного сознания старой женщины?

Анна жестко закончила:

– Значит, действуем как договорились. Плюс новая ветка – отъезд в Новгород. Показания таксиста, конечно же, надо запротоколировать. Ну и, разумеется, служащие гостиницы и так далее и тому подобное.

Было уже совсем темно, когда «Сапсан» причалил к перрону Ленинградского вокзала в Москве. Федор подхватил Анну, и они почти бегом направились к парковке, где стояла машина Измайлова. Измайлов плавно выехал с парковки, расплатился, но вместо того, чтобы резво стартовать, он остановил машину в 30 метрах от шлагбаума, сгреб жену в охапку и с жадностью начал целовать ее в губы, глаза, шею. «Я так соскучился!», – шептал Федор. Оказавшаяся в объятиях мужа, Анна забыла обо всем на свете. Впереди их ждала ночь любви.

Четверг, 12 августа

Анна спала тревожно. На 10 часов утра была назначена встреча со Смирновым. Как все пройдет? Столько времени она отсутствовала на работе. Конечно, раза три или четыре Анна заходила «в гости» к государственному советнику юстиции первого класса, но это были сугубо личные посиделки. Беременность, рождение дочери, уход за ней – вот были главные темы их разговоров. Тактичный Анатолий Борисович умеренно поддерживал идею научной и преподавательской работы. Вопрос о возможном увольнении из Прокуратуры или из будущего Следственного комитета он всячески обходил. Теперь же предстоял серьезный деловой разговор.

Анна была отозвана из отпуска чуть раньше срока. Хочешь не хочешь, а надо было входить в текущую работу со своими обычными обязанностями. Пикантности добавляло то обстоятельство, что расследование по исчезновению Розенфельдов было инициировано ей самой, а в нем переплетались рабочие и личные мотивы.

Ранним утром Анна тщательно отгладила мундир, что еще раз подчеркнуло – вольная жизнь закончилась. Началась служба. Наблюдая за женой, Федор строго сказал:

– Я сам отвезу тебя на работу. Ты слишком волнуешься, не надо тебе садиться за руль.

По дороге Анна задумалась. Москва оставляла горестное ощущение. Город пропах дымом. В воздухе висел смог. Температура была выше плюс 30. Конечно, кондиционер в машине исправно работал, но это мало помогало. По рассказам отца и матери Аня знала, что подобная беда, связанная с лесными пожарами и катастрофой на торфяниках восточнее Москвы, произошла в конце лета 1972 года. Сама она лишь смутно помнила наплывы ядовитых облаков на их дачный поселок. Но было известно, что в те годы московская власть сумела создать мощные механизированные отряды, которые буквально втоптали пожары в землю. Светопреставление закончилось очень быстро, хотя и были жертвы. Народная молва рассказывала, что на самых критических участках под землю проваливались бульдозеры и грузовики. А сейчас? Делает ли что-нибудь московское руководство, чтобы помочь пылающему Подмосковию? Похоже, что ничего. Теперь это же разные субъекты федерации. «Да, дела», – невесело подумала Захарына. Одно радовало: родители и дочка блаженствовали на берегу Финского залива.

* * *

– Ну хороша! Хороша! – ахал Анатолий Борисович. – Известное дело: отдохнуть – не работать. Ты даже не представляешь себе, как я рад, что ты наконец вернулась в строй, – говорил Смирнов и делал вид, что не замечает кривую улыбку Анны. – Значит, я сделал все, как ты просила. Мы тут открыли свое уголовное дело. Питерцы – свое. Создана оперативно-следственная группа, которой командуешь ты. Есть приятная деталь. Твой Измайлов, как у нас принято, привлечен консультантом. Так что приступайте, разматывай дело.

– У меня тоже приятная новость. Похоже, что старушка, из-за которой начался весь сыр-бор, жива. И у меня есть предчувствие, что мы ее найдем, – поделилась новостями Анна.

– Да, хорошо было бы, – сказал Смирнов. – Твое предчувствие дорого стоит. Не раз доказывала. Вообще-то я хотел попросить тебя, Аня, чтобы ты была осторожна с этим осиным гнездом – с московским представительством Колорадо Текнолоджис. Все зарубежные мерзавцы, которых наши правоохранительные органы пытались прижимать, сразу вскидывались, так сказать, на политический уровень. У нас, видите ли, есть враги развития взаимовыгодных отношений между Россией и Западом и прочая чепуха. Сама знаешь в общем. Одно дело Магнитского чего стоит! Думаю, что и ты столкнешься с подобными трудностями.

– Анатолий Борисович, после исчезновения американского гражданина Владимира Розенфельда в этом представительстве работают исключительно российские граждане. Это уже Федор проверил. Что они там и как делают, мы не знаем, но хочу вам сказать, что служба безопасности компании Юнгфрау вышла на это богоспасаемое представительство в связи с подозрением о недобросовестных поставках оборудования и получении их вице-президентом очень большой взятки.

– Ладно, Аня, действуй. Только расскажи мне хотя бы в общих чертах, что собой представляет семейство Розенфельд. Я помню, что ты мне говорила о великом хирурге Розенфельде-старшем, старушке блокаднице. Но хотелось бы посистемнее. Как только ты их копнешь, поверь мне, сразу начнут звонить из консульства, а то бери и выше.

– Хорошо, – удовлетворенно ответила Анна.

Их разговор продолжался около 30 минут. Только в самом конце Смирнов наконец заговорил о самом для себя главном.

– Ну, в общем, как же хорошо, что ты снова с нами. По секрету скажу тебе. Есть мнение о необходимости твоего повышения. Это очень серьезно. Пора тебя забирать на настоящую руководящую работу. Быть Пуаро, конечно, хорошо. Но в наших условиях нужно подтягивать работу следственной системы в целом. Чтобы Пуаро у нас появлялись чаще.

Анна ответила:

– Что у вас дефицит женщин в новых структурах? Я следователь по призванию. Люблю следственную работу. Задачу воспитания новых Пуаро мне, казалось бы, было правильно решать в рамках образовательной деятельности. А вот руководить и командовать я вряд ли сумею. Не мое это.

– Брось ты, – сказал Смирнов. – У нас есть товарищи, которые решают, что твое, что мое. Все утрясем, все уладим. Иди работай.

* * *

После выполнения всех формальностей, связанных с «возвращением на Итаку», Анна занялась подготовкой совещания специальной следственной группы. Ей было ясно, что выход на сцену криминалистов, судмедэкспертов возможен только со временем, а при самом благоприятном стечении обстоятельств вообще может и не понадобиться. Главное сейчас, конечно, это работа оперативников. Собственно, оперативниками в группе руководил преемник Измайлова майор Андрей Алексеевич Анохин.

По своей внешности Андрей Анохин был полной противоположностью своему учителю и кумиру Федору Измайлову. Невысокого роста, изящный, сероглазый шатен обладал исключительными манерами и завидным умением поддерживать разговор на любые темы. Балагур и ловелас, он производил впечатление человека поверхностного и легкомысленного. Если бы Анна не знала от мужа о разных приключениях майора Анохина, она бы никогда не поверила, что этот изящный мужчина средних лет являлся одним из самых жестких и цепких оперативников Московского уголовного розыска.

Еще будучи капитаном, Анохин участвовал в полуавантюрной операции по задержанию киллера-интеллектуала Бориса Харлачева, организатора убийства профессора Верта. Сцена первичного допроса негодяя под дулом захарьинского пистолета произвела тогда на него неизгладимое впечатление. За 15 лет службы Андрей не видел ничего подобного. Он понимал, что легендарная Анна Захарьина – это что-то особое. Поэтому Анохин счел для себя большой удачей работать под ее началом. «Скучно не будет. Это точно», – шутил Андрей.

Аня попросила его подъехать чуть раньше, чтобы обсудить некоторые детали. Анохин уже был в курсе ситуации. И это было весьма кстати. После краткого обсуждения положения дел, можно было наметить первоочередные шаги.

– Первым делом, Андрей, давайте завтра навестим московское представительство компании Колорадо Текнолоджис. Обеспечьте, пожалуйста, присутствие на рабочих местах сотрудников. Насколько я понимаю, там их всего четверо.

– Так точно, – ответил Анохин. – Я же вам сказал, Анна Германовна, что в понедельник я с ними встречался в первый раз. Приказ-то еще не был подписан, и я квалифицировал свои действия как доследственную проверку. Есть одна очень важная деталь. Одной из сотрудниц этого богоспасаемого учреждения является ваша старая знакомая Татьяна Волкова.

– Да-да, я видела эту фамилию, – сказала Захарына и поспешила сменить тему. – Андрей Алексеевич, а что-нибудь известно о времени исчезновения Владимира Розенфельда?

– Тут все более или менее ясно, – ответил Анохин. – По совету Федора Петровича я опросил консьержку подъезда в доме, где жил Розенфельд. Она абсолютно уверена, что видела Розенфельда в первой половине дня 6 июля. Розенфельд выходил из дома с какой-то женщиной, по ее словам, явной проституткой. Он даже что-то сказал консьержке.

– Откуда такая память у консьержки? Через ее пост многие проходят.

– Дело в том, – ответил Анохин, – что господин Розенфельд подарил ей тогда какие-то чудесные конфеты, а она потом пила с ними чай у своей подруги, у которой на следующий день был день рождения. Вообще маленькие сувениры – это фирменный стиль Владимира Розенфельда. Так что 6-го числа около полудня он был жив и, похоже, неплохо проводил время.

– А вы не поинтересовались, почему она сочла выходящую с ним женщину проституткой?

– Поинтересовался, конечно, – усмехнулся Анохин, – ответ был простой. Одетая и накрашенная была уж больно ярко. К тому же очень красивая. Да, еще консьержка сказала, что Розенфельд собирался уезжать проведать маму.

– Интересно, куда он поехал?

– Вот это нам и предстоит выяснить, – вздохнул Анохин. – Пока никаких зацепок. Будем надеяться, завтрашняя встреча даст хоть какие-то ниточки.

Пятница, 13 августа

В 10 часов утра старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре РФ Анна Захарьина, старший оперуполномоченный МУРа майор Андрей Анохин и консультант Федор Измайлов вошли в офис московского представительства компании Колорадо Текнолоджис, обосновавшийся в одном из бизнес-центров на Новом Арбате. Захарьина сразу отметила, что офис отделан со вкусом, а офисная жизнь поставлена на широкую ногу. Высокий симпатичный молодой человек явно на правах хозяина пригласил «детективов» в просторный кабинет, на двери которого висела черная с золотом табличка с надписью на русском и английском языках – Владимир Розенфельд, директор.

В кабинете Анну крайне изумила одна деталь обстановки. На боковой стене висел прекрасный портрет Николая Верта. Выполнено было здорово. Анна понимала, что профессор Верт вряд ли позировал для художника и портрет написан по фотографиям, но все равно. Верт смотрел на нее как живой. «Господи, – вздохнула Анна, – я его и живым-то не видела. Но так все схвачено. И мушкетерские усы, и борода а-ля Ришелье, и лукавый взгляд поражали достоверностью. Интересно», – отметила про себя Анна.

Когда все расселись в удобных креслах, встретивший их мужчина галантно сказал:

– Для нас большая честь, что такой выдающийся специалист правоохранительных органов, как госпожа Захарьина, посетила наш скромный офис. Мы очень и очень наслышаны о вас. Разрешите представиться, заместитель директора представительства Игорь Юлианович Кляйн.

– Игорь Юлианович, сегодня у нас ознакомительный день. Но все наши беседы идут под запись. Вы, вероятно, знакомы с майором Анохиным и нашим консультантом господином Измайловым?

Кляйн вежливо кивнул головой.

Анна посмотрела и с удивлением заметила, что так понравившийся ей «молодой человек» был отнюдь не молод. Похоже, хорошо за сорок. Но выглядел он восхитительно. Высокий – рост под 190 сантиметров, поджарый, густые волосы гладко зачесаны назад. На лице выделялись высокие скулы, крупный «римский» нос, твердый подбородок. В его одежде оптимально сочетались простота и элегантность. Хорошее впечатление производили крупные ухоженные ладони с длинными нервными пальцами. Правда, была одна деталь, поразившая Захарьину. Господин Кляйн был в самых обычных домашних тапочках без задников, причем тапочки эти были циклопического размера. Игорь Юлианович поймал взгляд Захарьиной.

– Прошу прощения, не успел переобуться. Понимаете, я болен довольно тяжелой болезнью – артрозом. Обувь мне шьют на заказ, под индивидуальную мерку и колодку. Поверите или нет, но у меня всего одни летние туфли. Ничего другого я носить не могу. Как раз, когда вы пришли к нам, я собирался переобуться, чтобы не выглядеть обросшим старосветским помещиком.

Анна перехватила инициативу.

– Вообще хочу вам сказать, что вы можете как вести, так и не вести со мной беседу. Но тогда я вызову вас и ваших сотрудников в свой кабинет в Следственном комитете Прокуратуры. В начале разговора хочу подчеркнуть, что цель нашего расследования – это выяснение причин и обстоятельств исчезновения господина Владимира Борисовича Розенфельда. Не скрою от вас, что в Санкт-Петербурге возбуждено уголовное дело по факту исчезновения при загадочных обстоятельствах госпожи Эммы Марковны Розенфельд, матери Владимира Розенфельда. В течение пары дней эти дела будут объединены. Как видите, мы занимаемся уголовными делами. Но нам необходимо знать подробности функционирования вашего представительства, так сказать изучить ландшафт, на котором эти возможные преступления были совершены. Хочу вам сказать, что дела об исчезновении относятся к категории самых непри-

ятных дел и их расследование требует всестороннего изучения всей полноты обстоятельств, при которых произошли эти события.

– Да, – задумчиво произнес Игорь Кляйн. – Нет тела – нет дела.

– Игорь Юлианович, это, конечно, очень забавно, что приведенный вами афоризм кочует из романа в роман и из сериала в сериал. На самом деле, все не так. Их очень много этих дел без тел. Поверьте мне.

– Конечно, Анна Германовна, – весело согласился Кляйн, – это я просто хотел блеснуть эрудицией. Разрешите я отлучусь буквально на две минуты. Пойду переобуюсь, а то ведь неудобно как-то.

Игорь Юлианович исчез и буквально через минуту вернулся обутый в красивые замшевые туфли. «Примерно так 47-й размер», – подумала Анна.

– Сейчас хотелось бы остановиться на двух моментах, – сказала Захарьина. – Меня интересует история создания и функционирования вашего представительства. Кроме того, мы собираемся осуществить выемку бухгалтерских документов, ну и желательно – скопировать жесткие диски основного бухгалтерского компьютера.

– Позвольте, – в недоумении сказал господин Кляйн. – Вы так четко очертили рамки уголовного дела, что мне совершенно непонятно, какое отношение ко всему этому может иметь наша бухгалтерия. Для реконструкции, как вы изволили выразиться, ландшафта – это как-то уж слишком. Вы понимаете, есть ведь такое понятие, как коммерческая тайна. У нас очень тонкие отношения с нефтяными компаниями. Я не сказал вам сразу, госпожа старший следователь, но нас несколько шокирует то, что к нам проявляет повышенный интерес служба безопасности нефтяной компании, представитель которой присутствует сейчас здесь. – Игорь Юлианович выразительно посмотрел на Измайлова.

Анна одарила Кляйна очаровательной улыбкой.

– Ну что вы, Игорь Юлианович, вы ведь прекрасно знаете, что мы имеем право знакомиться со всеми необходимыми нам документами. Если не хотите по-хорошему, то гарантирую вам, что в течение суток я предъявлю необходимые основания и вам придется подчиниться. И не уверена, что все будет тихо.

– Но позвольте, – упавшим голосом возразил Кляйн, – речь все-таки идет о представительстве американской компании!

– Игорь Юлианович, – снова улыбнулась Захарьина, – о чем вы говорите? Ваше представительство зарегистрировано как российское юридическое лицо. Именно бухгалтерские операции этого юридического лица нам бы хотелось проследить. Кроме того, Игорь Юлианович, зачем вам нужно подталкивать нас к силовому изъятию документов с использованием силовых структур и привлечением «маски шоу»? Зачем? Что касается присутствующего здесь господина Измайлова, то заниматься изъятием документов будет не он, а майор Анохин.

– Я должен подумать, – сказал Кляйн.

– Господа, мы теряем время, – сказала Захарьина. – Майор Анохин, вручите работникам представительства повестки на вызов в прокуратуру на завтра, начиная с 11.00 с интервалом в полчаса. – Захарьина сухо поклонилась Кляйну, встала с кресла и направилась к выходу.

– Ну что вы, что вы, Анна Германовна, – преградил ей путь Кляйн, – сейчас мы попробуем все это организовать. Майор Анохин, пройдемте со мной в бухгалтерию.

Анна вновь уселась в кресло и посмотрела на мужа, лицо которого не выражало ничего, кроме глубокого отвращения ко всему происходящему.

– Зря ты так, – сказал он ей. – Надо было вызвать ребят и вытащить документацию.

– Федя, мне приходится слегка лавировать в связи с международным аспектом этого дела.

– Ты же сама сказала, что нет международного аспекта. Причем, мне кажется, Анна, что желательно не терять времени.

Через некоторое время в кабинет вошли крайне расстроенный Игорь Кляйн и веселый улыбающийся Анохин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.